

Виктор Минаков

ИЗБРАННОЕ

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Виктор Минаков

**Избранное. Рассказы
и фельетоны**

«Издательские решения»

Минаков В. А.

Избранное. Рассказы и фельетоны / В. А. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900073-6

Произведения, включенные в этот сборник, могут служить иллюстрацией известной пословицы: «За что боролись, на то и напоролись!» Правда, с существенной оговоркой: напоролись не в результате борьбы, а вовсе наоборот — в результате пассивности, ротозейства, безволия, созерцания того, как вероломная клика пустила страну под откос и приступила к опустошению ее и разграблению. И этот процесс пока не закончился. Читать такое, конечно, досадно, но поучительно, и многое еще можно исправить.

ISBN 978-5-44-900073-6

© Минаков В. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Длинный язык	7
Оплошность	10
Загогулина	12
Сеанс вразумления	18
Ноу – хау	22
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Избранное Рассказы и фельетоны

Виктор Александрович Минаков

© Виктор Александрович Минаков, 2017

ISBN 978-5-4490-0073-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

В современных словарях русского языка понятие «Избранный» имеет два толкования: и как «Отобранный для массового издания», и как «Лучший, выделяющийся чем-нибудь среди других...». При этом определение, стоящее первым, должно приниматься основным, главным, ведущим, но почему-то всегда на первый план пробирается – «Лучшее», представляясь как лучшее из того, что написано, и это, вызывает недоумение и даже укор тех, кто не вошёл в этот сборник. «Почему они, а не мы? – как бы вопрошают они, шелестя недовольно страницами. – Разве мы написаны хуже?»

Нет, нисколько не хуже! И также – на актуальные темы. Многие были опубликованы на страницах региональных газет, на популярных литературных порталах Проза.ру, Fabulae.ru. Многие имели положительный отклик читателей, их автор неоднократно был номинирован на премию «Писатель года».

Они – кандидаты в следующий сборник рассказов, и у них есть возможность подтвердить собой правомерность определения «Избранное», стоящее под вторым номером в словарях русского языка.

Длинный язык

Александр Сергеевич Торопыга, продавец комиссионного магазина, своим именем чрезвычайно гордился. Ещё бы: такое же, как у гениального Пушкина!

Собственно говоря, кроме знатного имени, ничего примечательного в этом человеке и не было. Рост, облик, материальное положение – все так себе, на среднем статистическом уровне, заурядный среднестатистический россиянин. Только имя и выделяло его из невзрачной человеческой массы, создавало ему иллюзию его исключительности. Кстати, не только ему. Часто, когда Торопыга произносил своё полное имя, его собеседник восклицал восхищённо:

– Ого! Как у незабвенного Пушкина! Поздравляю!..

И хотя здесь заслуги самого Торопыги особенной не было – не более чем заслуга забора в том, что к нему прибита табличка с названием улицы, он принимал поздравления как должное.

Он всегда называл себя только по имени.

– Спросите Александра Сергеевича, – говорил он, когда собеседник должен был ему позвонить, и в очередной раз с удовольствием слушал, как его приобщают к известной всем знаменитости. Иногда он и сам способствовал этому приобщению: не называл своё имя, а просто говорил: как и у Пушкина, и всем оно было понятно.

Так было при контактах с людьми почтенного возраста, с теми, кто получил образование до краха советской системы.

С молодым поколением дело обстояло иначе.

С расширением и углублением реформ, Торопыга стал замечать, что его собеседники все реже кивали понимающе головами, все чаще смущались и переводили разговор на избитые темы – о погоде или о повышении цен. А однажды на этот ответ вполне современный юноша – легкомысленный и нахальный – долго недоуменно смотрел на него, ожидал уточнения.

– Вы что, – удивлённо спросил Торопыга, – о Пушкине не знаете ничего?!

– Почему же не знаю, – возразил заносчиво парень. – Знаю, проходили по школьной программе. «Буря матом землю кроет.» Во, блин!.. – хлопнул он себя по лбу ладонью. – Дальше не помню, забыл... Память чегой-то стала шалить... Напомните, как звали вашего тёзку?..

Разговор с этим удивительным молодым человеком, не знающим имени Пушкина, оставил в душе Торопыги неприятный осадок. «До чего докатились! – думал он. – Этак мы скоро имена и родных дедов своих позабудем».

После работы по дороге домой он продолжал размышлять над изъянами современного обучения и воспитания, и так углубился в эти проблемы, что не заметил, как перешёл улицу в неполюбованном месте. Он не создал ничего аварийного: транспорта в пределах видимости не было, но раздался резкий свисток, и из куста, как черт из коробочки, выскочил блюститель порядка в звании сержанта дорожно-патрульной службы ГИБДД. Он жезлом поманил к себе Александра Сергеевича, козырнул, после того как тот подошёл, представился и сказал с оттенками в голосе то ли упрёка, то ли злорадства:

– Нарушаете, гражданин!..

– Так я же не помешал никому, – отвечал тёзка великого Пушкина. – Ни одной машины не видно...

– Улицу положено переходить в установленном месте, – наставительно произносит сержант. – В обозначенных местах перехода... Придётся оформлять протокол... Пройдёмте в машину...

В стороне от дороги, за мусорным ящиком была спрятана легковая машина со знаками ДПС. По установившейся в этой службе традиции, её поставили так, чтобы не было видно ни с какой стороны – иначе нарушителей не обнаружишь.

В машине на месте водителя сидел молодой лейтенант.

– Нарушитель, – доложил ему лаконично сержант. – По проезжей части бродил, как лунатик...

Торопыге было предложено место в салоне рядом с водительским.

– Фамилия? – спросил лейтенант будничным тоном.

– Торопыга...

– Торопитесь, значит?.. Ну, ну... Фамилия подходящая... И куда ж мы торопимся?.. Как тебя звать, торопыга?.. Имя и отчество?..

– Такое же, как и у Пушкина, – Торопыга сказал по привычке с достоинством.

– А это ещё что за гусь?.. Где он?.. Ты с ним там вместе шатался?..

Здесь в голове лейтенанта что-то булькнуло.

– Вы мне зубы не заговаривайте! – повысил он голос. – Отвечайте по существу.

После этого случая Торопыга окончательно понял, что шкала жизненных ценностей в стране круто сместилась, что имена великих людей уходят в небытие. А поскольку эти процессы касались лично его, он надломился душевно. Загрустил, часто впадал в депрессию, его стали посещать диссидентские мысли.

Но никогда не надо отчаиваться, призывают психологи и священнослужители. В жизни случаются повороты, о каких нормальному человеку невозможно даже помыслить. Такой поворот случился и на пути Торопыги. В счастливом для него направлении.

В городе проводились развлекательно – отвлекательные мероприятия по причине «Дня города». С позволения властей на одной из площадок группа энергичных молодчиков затеяла неизвестный здесь ранее конкурс под названием «Длинный язык». Его условия были заманчивы: победителя выдвигали на звание почётного горожанина, с выдачей ему необходимых бумаг и нагрудного знака, ему вручалась солидная премия и ключи от машины иностранного производства.

По слухам, эта группа прибыла из Москвы для пропаганды новой культуры общения. Но вряд ли москвичи сами являлись авторами этой странной затеи. Скорее всего, они переняли её из-за границы, как и многие другие затеи. Это там, у них, за границей постоянно проводятся подобные конкурсы. Соревнуются по разным программам: кто дольше просидит на столбе, кто больше съест живых гусениц или – у которой из женщин больше развита грудь... Там, у них – грудь, здесь – язык! Плагиат?.. Вполне вероятно...

Хотелось бы все-таки предположить, что российские плагиаторы избежали простого калькирования проекта и вложили дополнительный смысл в понятие «длинный язык». Допустимо, что они имели в виду его свойства, необходимые депутатам и членам правительства, а именно – умение говорить длинные речи без бумажек, чего опасались ораторы советской эпохи.

Впрочем, опасения советских ораторов были тогда не беспочвенны – за каждое неуместное слово следовал строгий спрос. Сейчас спроса нет, можно болтать что угодно. Безоглядно молоть языком в настоящее время стало важнее и выгодней, чем работать головой и руками. Допустимо, что разработчики подобного конкурса захотели выявлять таким образом перспективных политиков.

Но это всего лишь предположения. О возможных дополнительных смыслах этого понятия речи здесь не велось. Приняли все буквально, один к одному: раз конкурс называется «Длинный язык», значит, языки надо мерить.

Процесс измерения обставили по высокому уровню: были приглашены ведущие специалисты из центра стандартизации и метрологии – доки в области измерений. Мерить языки – занятие, конечно, не из престижных, но уговаривать никого не пришлось – деньги сняли всякие неловкости и вопросы. Контролировать измерения вызвались добровольцы из числа юристов и медиков. Измерять решили у каждого пожелавшего принять участие в конкурсе, а таковых было много.

Как только из репродукторов послышалось сообщение о начале этого конкурса, о призах и наградах его победителю, народ рванулся к месту его проведения. Торопыга оказался захваченным бурным потоком и был вынесен им прямо к столу, где заседало жюри. Невольно поддавшись массовому психозу, он позволил измерить свой язык, высунув его на всю длину, и его язык оказался длиннее, чем у других конкурсантов.

Какой ажиотаж сразу был поднят вокруг его имени! Александр Торопыга! Победитель оригинального конкурса!.. Восторги. Стрётот телекамер, щелчки затворов фотографических аппаратов. Александр Торопыга!..

С машиной, правда, вышла осечка. Ключей было несколько, и только один подходил к дверце стоявшей неподалёку машины, угадать надо было – который?.. Торопыга не угадал, но все остальное с лихвой возместило этот маленький казус...

Его единодушно представили к званию Почётного гражданина города, а один наиболее рьяный поклонник новинки, предложил его достижение направить в книгу рекордов Гиннеса.

И это было не все – ему на завидных условиях предложили сниматься в рекламе лекарств, моющих средств и даже женских прокладок.

От такого внимания у Торопыги несколько дней кружилась голова хмельной радостью. Конкурс транслировали по телевизору, и Торопыга стал знаменит. Его узнавали на улице, с ним здоровались первыми незнакомые ему горожане, он ловил на себе их восхищённые взгляды и слышал приятные речи: вон, посмотрите – идёт Торопыга, победитель конкурса «Длинный язык!»

Вечерами он часто сидел перед зеркалом и смотрел на язык. Он старался понять: что в нем такого необычайного, чем он так восхищает людей?.. Язык как язык. И длина его незаметна – он же во рту. Имени Пушкина он, в глазах Торопыги, не годился даже в подмётки. А вот надо же – именно он сделал его знаменитым!

Торопыга отходил от зеркала в полном недоумении. Он не понимал чего-то самого важного, происходящего в сегодняшней жизни. Однако это непонимание блекло перед хором похвал, продолжавших звучать в его честь.

Как-то сидя на скамейке в городском парке, он подслушал разговор проходивших мимо ребят, видимо, школьников.

– Задали выучить Пушкина, – говорил уныло один. – Ты не помнишь, как его звали?..

– Так же, как нашего Торопыгу, – ответил второй. – Александром Сергеевичем...

Оплошность

Кто сейчас не мечтает пожить в богатстве и радости, только как это сделать?..

У Сени Аронова желание разбогатеть стало похожим на манию, стало его путеводной звездой, смыслом всей его жизни. Поменяв только за год три места работы, он пришёл к неоспоримому выводу: честным трудом нельзя заработать на достойную жизнь.

А Сеня хотел жить достойно. Хотел путешествовать по свету на пароходе, хотел питаться в дорогих ресторанах, кушать омаров и устриц, хотел беззаботно кутить на престижных курортах с девицами лёгкого поведения.

Ему же приходилось об этом только мечтать, кушая постную пищу, которую готовила мама на свою плачевную пенсию.

Сеня жутко завидовал богачам, видя их роскошь по телевизору: «Как они шикарно живут в своё удовольствие!» Он абсолютно не понимал: почему они, а не он? Он молод, крепок здоровьем, немного даже красивый, но он не богат. Почему?.. «Разве я не достоин такого?» – спрашивал он ежедневно себя, смотрясь в потускневшее зеркало. И находил, что очень даже достоин.

Сеня считал, что есть какой-то секрет лёгкого обогащения, и он решил открыть этот секрет для себя.

Знакомых богачей, готовых поделиться с ним своим опытом, у него не было, все знакомые, как и он – голодранцы. Но Сеня Аронов был очень упрям, и решил добиваться секрета. И наконец, как ему показалось, добился...

Мы с Сеней приятели. Учились с ним в одном классе, живём по соседству, и тайн друг от друга не держим.

Встречаю его как-то на троллейбусной остановке. Вид у него слегка озабоченный. Спрашивает:

– Как ты относишься к приметам? Верить ты им?

– А как же, – отвечаю я, – верю. Когда вижу, например, где-нибудь мусор, верю, что здесь побывал Стёпка Игошкин (Степа наш с Сеней общий знакомый). Мы с ним были раз вместе на детской площадке, так он её всю заплевал шелухой от семян.

– Я спрашиваю о других приметах...

– Можно и о других: если встречаю на улице женщину с полным ведром, знаю, что где-то лопнул водопровод, и что у неё нет в доме мужчины...

– Опять же, я – не о них... А-а! – Сеня обиженно машет рукой. – Я серьёзно с тобой говорю, а ты придуряешься!.. Вижу: ты в приметы не веришь, а я вот поверил...

Тут мы разъехались по разным маршрутам.

Через неделю встречаемся там же. У Сени повязка на правой руке, на лице – озабоченность и досада.

– Что случилось с рукой? – спрашиваю я сочувственно.

– Так, ерунда, – отвечал он сперва неохотно. Но все же потом рассказал.

Оказалось, что какой-то чудаковатый поведальщик ему о народной примете: когда чешется левая рука – это к потере денег, а когда правая – к их получению. А из другого источника сведений такого же уровня он узнал о наличии сложной системы связи в живом организме. Действует она будто бы так: если думаешь о плохом, плохое и будет. Думаешь о хорошем – настанет хорошее. И чем интенсивнее думаешь, тем скорее настанет. Словом, как говорится в Писании, каждому воздаётся по вере его.

– Вот, например, у йогов, – растолковывал Сеня. – Йог может лежать голым на льдине где-нибудь в Арктике, а представлять, что он находится в Африке. И холод ему нипочём. Он лежит себе и обливается потом. Ему жарко так, что под ним даже плавится льдина!..

От этих возможностей в голове Сени, воспалённой идеями лёгкой наживы, зародилась конструктивная мысль: совместить примету с умением йогов и добиться эффекта не только по внутренней связи, то есть, реакции организма на мысли, а реакции на них даже во внешней среде. Организм человека, рассуждал Сеня, это – часть природы, а раз на него можно воздействовать, значит, можно воздействовать и на окружающий мир. Надо только сильнее стараться.

Исходя из этой теории, он пришёл к заключению: надо чесать свою правую руку, пока на неё не положатся деньги.

И Сеня стал усердно расчёсывать руку. До крови расчёсывал и занёс туда какую-то нечисть. Рука загноилась, распухла до размера боксёрской перчатки.

– Еду вот к знакомому доктору, – произнёс он печально.

Вечером мы встретились с Сеней опять. Лицо его было одухотворено какой-то новой идеей.

– Что там у доктора? – любопытствовал я.

– Назначил лечение и сказал мне: вы, Сеня, – осел!.. Ну, не так чтоб так прямо – по смыслу такое. Как, говорит, можно все так глупо напутать!.. Вы же, говорит он, Сеня, – левша, вы должны чесать не правую, а непременно левую руку!..

Глаза у Сени Аронова полыхали желанием поскорее исправить оплошность.

Загогулина

Мне не удаётся заглушить в себе чувство вины перед Федей Зайчонок: я его оскорбил! Беспардонно оплевал человека, на которого смотрю сейчас с восхищением, почтением и, можно говорить, с обожанием! Со стыдом вспоминая тот муторный день, я ищу утешения в одном: всех достоинств Зайчонок тогда я не знал, мы с ним никогда не дружили, хотя и были соседями, и судил я о нем только по его непримечательной внешности. К тому же, в тот злополучный момент мы были хорошо подшофе.

В последнюю субботу апреля, перед майскими праздниками, председатель товарищества вывела всех мужчин нашего дома на общественную работу – благоустройство дворовой площадки. Вышли, благоустроили, потом кто-то из разбитных активистов предложил обмыть трудовые успехи, и вскоре за сколоченным нами столом с врытыми в землю опорами началось весёлая суетня со всей присущей ей атрибутикой: шутками, спорами, состязаниями в словесных изысках. И здесь, в атмосфере бескорыстного братства, взаимной любви, благодушия, Федя заявил по какому-то поводу с неуместным, как мне показалось, апломбом:

– Изобретать – ерунда! Была бы стоящая идея!..

Меня возмутила его высокомерная фраза. Я посчитал, что Федя не имеет права так говорить: что может смыслить в изобретательстве этот плюгавенький мужичонка?!.. И я грубовато его осадил:

– Трепач несусветный! Уж не ты ли – изобретатель?!

– А хотя бы и я! – Федя с вызовом посмотрел мне в глаза и, заносчиво ухмыльнувшись, пошёл прочь от стола.

– Изобретатель! – крикнул я презрительно вслед под угодливые смешки собутыльников. – Посмотрел бы на себя в зеркало!..

По моему глубокому тогда убеждению, изобретатель – это человек не такой как другие. Солидный, представительный что ли. Лоб у него – непременно высокий, голова – круглая, глаза – строгие, вдумчивые. Фигура, рост, голос – все в нем внушает почтение. Такой, к примеру, как Ломоносов, а тут – Федя Зайчонок!.. Даже смешно сопоставить: невысокого роста, курносый, веснушчатый, и вдруг такие заявы!.. Нет, я допускаю, конечно, что изобретатели могут иметь и не очень импозантные внешности, но не до такой же крайности, какая у Феде! Писклявая коротышка! Одна фамилия чего стоит!.. Говорили, правда, что Федя закончил какой-то там кибернетический вуз, но для меня даже такой существенный факт не имел в то время никакого значения...

Мы немного ещё позлословили над нашим самозванным изобретателем и успокоились было, но тут выступил Сеня Никифоров, такой же чокнутый, в моих глазах, парень, как и Зайчонок.

– А я вот сейчас ему подброшу идейку! – выкрикнул Сеня.

Я видел, как он догнал Фёдора и дёрнул его за рукав. Тот терпеливо выслушал Сеню, кивнул головой и сердито посмотрел в мою сторону.

Пару месяцев Зайчонок подчёркнуто избегал разговора со мной, но вот недавно завёл его сам. Он полураздетый стоял у дверей в свой подъезд и ждал, когда я проходить буду мимо. Я догадался: он специально выскочил из квартиры, увидел меня в окно и выбежал почти нагишом.

– Временем располагаешь? – спросил он с напускным безразличием. – А то, заглянем ко мне, покажу кое-что...

Времени у меня было с избытком, к тому же, я чувствовал небольшую вину перед ним за свои обидные реплики, и я согласился.

Квартира Зайчонка была на втором этаже, она осталась ему после смерти родителей. Жил он один, хотя ему уже было с лишком за тридцать. Я подслушал однажды, как он отшутился, отвечая на вопрос, почему не женат: дескать, успею ещё надеть на шею этот тяжкий хомут. Но я считаю, что секрет здесь в другом: он парень с запросами, ему подавай и красавицу, и чтобы была с интеллектом, а какая женщина с этими данными торопится стать женой недомерка?..

В комнате, куда привёл меня Федя, были диван, стол, книжный шкаф и три стула. Кроме этой простенькой мебели, здесь был моднейший компьютер, он сразу бросался в глаза. Монитор, клавиатура и мышь находились на столе, примкнутым к окну, процессор и принтер – рядом, на тумбочке. Проку от всей этой техники я, признаться, не видел, смотрел на неё только как на дорожную забаву.

– Садись, – Федя показал подбородком на стул, стоявший перед столом. Я сел, а он защёлкал переключателями.

На экране монитора появились титры какого-то кинофильма. Читаю: «Ревизор», по пьесе Н. В. Гоголя. Еле удержался, чтобы опять не съехидничать: «Додумался, на что пригласить: да я его сотню раз видел!» Но эта желчная фраза так и застряла на кончике моего языка: уже первые кадры умерили мой скептицизм – в городничем я узнал Егора Кузьмича Лигачёва, высшего партийного идеолога из последнего состава Политбюро ЦК КПСС. Обречённо произносит он известные всему миру слова: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы...». Одет он в мундир темно-зелёного цвета, имеет брюшко, стрижку под ёжика – точь-в-точь городничий, каким я помню его по прежним просмотрам, и в тоже время он – Лигачёв, тот мужичок, что мельтешил на экране при трансляции съездов, заседаний политбюро и прочих партийных тусовок. Только тогда он другой – бойкий, нагловатый, напористый, одетый в современный костюм, а сейчас – такой, каким и должен быть городничий: солидный, медлительный, знающий себе цену даже в экстремальных условиях. Ходит он, не роняя своего городничего достоинства, а говорит голосом Лигачёва.

Дальше – ещё неожиданность: в роли Анны Андреевны, жены городничего, я увидел Горбачёву Раису Максимовну, жену первого и последнего Президента Союза!

Я оторопело воззрился на Фёдора, а он кривит в усмешке свои толстые губы:

– Не отвлекайся. Смотри, как играют...

Раиса Максимовна, как и Егор Лигачёв, была вписана в фильм органично. Платье, парик – все по моде тогдашнего времени, в руке она изящно держит лорнет. Но главное – поведение этих апологетов коммунистической идеологии! Не проповедники коммунизма, а настоящие театральные звезды! Играют без сучка и задоринки!

Я смотрел, приоткрыв рот, на экран и не мог никак сообразить: как это можно в существующем, старом уже кинофильме подменить двух главных героев, не изменив при этом ничего остального? Впечатление такое, будто Лигачёв и Раиса Максимовна снимались во время создания этого фильма! Но я-то уж точно знаю, что это не так!..

Пока я переваривал в голове весь этот сумбур, Федя, наблюдавший, вероятно, за мной, буднично произнёс:

– А вот ещё один вариант...

Он перенастроил аппаратуру, и опять пошёл «Ревизор». Но теперь городничий с супругой – другие: городничий – сам Горбачёв, бывший наш Президент-недотёпа, а в роли Анны Андреевны – Вероника Кастро, зарубежная фифа, набившая всем оскомину своей Марианной в фильме «Богатые тоже плачут». Вероника чешет по-русски, как коренная нижегородка, а Горбачёв – будто родился Сквозник-Дмухановским!.. И тоже – парики, костюмы, общение с другими артистами – все без накладок и сбоев!.. Не зная, поверил бы сам, что и эту всю труппу снимали одновременно!..

– Круто! – в восхищении я перешёл на жаргон дебильных подростков. – Кайфовый приколы!

– Я этих деятелей посадил в главные роли только для того, чтобы сразу была заметна новинка, – пояснял Федя, бросая на меня беспокойные взгляды. – Если просто поменять одного артиста на другого артиста, то могут не сразу увидеть сюрприза. А здесь – все ясно как на ладони!.. Можно было бы для ещё большей наглядности взять просто кого-нибудь с улицы, но тогда дольше пришлось бы собирать материал. А на этих – быстрее и проще. Я раздобыл несколько старых кассет с записью партийных собраний... Ну, как?.. Что скажешь теперь насчёт трепача?..

Я виновато смотрел на него, а он, довольный собой, говорил, немного рисуясь, как он добился таких результатов. Вот кое-что из того, что я понял.

Сеня Никифоров тогда ничего путного ему, конечно, не предложил. Он попросил восстановить запись на испорченной им чужой видеоплёнке, примерно так, как восстанавливают живопись при реставрации старых картин. Об этом Никифоров видел передачу по телевизору и решил убить сразу двух зайцев – проверить Федю «на шивовость» а, если он действительно на что-то способен, скрыть от хозяина кассеты её порчу.

Федя тоже видел ту передачу и запомнил приёмы и принципы реставрационных работ: там применили для этих целей компьютер. Память компьютера насыщали информацией, как о картине, поступившей на реставрацию, так и о художнике, её написавшем: его стиль, любимые краски и все прочее, что имеет значение при восстановлении утраченного участка полотна. А потом компьютер уже сам диктовал реставратору, где, что и как он должен поправить.

Фёдор восстановил плёнку Никифорова. И работа над ней, и та передача про живопись высветили в его голове совершенно новое направление мыслей: он задумал попробовать заменить одно действующее лицо в кинофильме на другое.

Для реализации этого замысла ему тоже нужно было загрузить память компьютера информацией, как про того, кто именно будет заменяться, так и про того, кем этот персонаж заменяется. На заменяемого информация бралась из самого кинофильма, а вот на замену Фёдор решил брать не артиста, а, для усиления эффекта, того, кто для замены наиболее не подходит. И в тоже время – известную личность. Он разыскал кассеты с материалами съездов, заседаний, сам сделал записи с телевизора...

– Пришлось повозиться с составлением программы, – говорил Фёдор самодовольно. – Надо, чтобы схвачены были все элементы мимики человека: его улыбка, гнев, грусть, а также – голос и жесты... И чтобы все это проявлялось в нужное для этого время, в соответствующей ситуации... У меня был в записи «Ревизор»... Ну, ты сам теперь видишь, что у меня получилось.

Федя говорил сдержанно, скрывая и гордость, и радость. Только глазки его, маленькие, обычно тусклые глазки сейчас жарко блестели. Ещё бы! Какое открытие! Какая у него перспектива!

Потом был ещё один вариант «Ревизора», и опять с другими артистами. В роли Хлестакова здесь убедительным был Жириновский...

Мой окончательно растерянный вид, очевидно, льстил самолюбию Феди, и он, встав у меня за спиной, многозначительно намекнул:

– А теперь я занимаюсь принципиально другой разработкой...

Мне вполне хватало пока и того, что я только что видел! Я был потрясён, просто был в эйфории. Личность Зайчонка уже не казалась мне заурядной. Маленький рыженький человечек, сосед мой по старой пятиэтажке, теперь уже не был простым коротышкой – в моих глазах он неимоверно возвысился. Моё отношение к Фёдору быстро и радикально менялось:

я сознавал, что такое чудо мог сотворить только гений! Гений в нашем дворе! Мой сосед – гениален! Я замороженно вертел головой, смотря то на экран, то на Фёдора.

– Федя, ты – гений! – воскликнул я искренне. – До такого не смогли додуматься даже японцы!

Лицо Зайчонка расплывалось в блаженной улыбке.

– Главное – мне удалось разработать программу! – повторил он. – Теперь в этом деле мои возможности неограниченны! Можно даже воскресить человека!.. Не физически, конечно, а воскресить его образ. Записать информацию, каким он был, и вставить его в новую пьесу!.. Я только об артистах пока говорю только потому, что о них сохраняются киноленты. О политиках – тоже, о дикторах телевидения... А в принципе можно так манипулировать с каждым!

– И можно и из простых людей наделать артистов?!..

– Вполне... Записать поведение человека: как ведёт он себя в какой обстановке... Теперь это уже – дело техники... Можно теперь любого сделать киногероем...

– Даже меня?!..

– Запросто, – расщедрился Федя. – Хочешь, сделаю тебя городничим, а хочешь – Добчинским-Бобчинским... Могу, – сказал он, лукаво взглянув на меня, – превратить в Держиморду... Могу показать тебя и в другом каком фильме. Надо только переснять его для основы...

Здесь мне стало как-то не по себе от такого всемогущества Феде: в отместку он способен превратить меня в какого-нибудь извращенца! А он, как бы подтверждая мои опасения, сказал:

– Могу любого авторитета представить ничтожеством! Например, показать мэра города таким, какой он и есть, без журналистского макияжа...

Я настороженно глядел на него, но у Фёдора на уме было нечто другое.

– Теперь можно вообще отказаться от услуг современных артистов, – говорил мечтательно он. – Можно при создании нового фильма воскрешать образы великих актёров, делать их в любом возрасте, поручать любые им роли...

– Потрясающе! – шептал в упоении я.

– А какая будет экономия средств! – развивал эту мысль Федя Зайчонок. – Никакие артисты теперь не будут нужны! Нужен только сценарий и моя технология! Все остальное сделает техника, и сделает это на самом высшем кинематографическом уровне! Критикам не к чему будет придраться!.. Кстати, я этот проект уже застолбил в Интернете, узаконил приоритет...

– А куда девать ещё живущих артистов? – спросил я, подумав о судьбе тех, кто и сейчас, если не участвует в съёмках фильма или рекламы, находится в бедственном положении. – Их много, и они продолжают плодиться, как тараканы в трущобах...

– Этого я сказать не могу, – ответил Федя, пожимая плечами. – Это – забота правительства...

Мы помолчали... Легко сказать – забота правительства! Больно сейчас там о безработных заботятся! А что будет, если в армию безработных вольются ещё целые тысячи бедолаг?!.. Впрочем, для артистов остаются театры и клубы – там они могут проявлять свои дарования...

Пока я разбирался с положением артистов, Федя вернулся к намёку:

– Сейчас я занимаюсь другой разработкой: создаю программу по искоренению коррупции. Вообще! Как самого вредоносного явления!.. Хочу сделать свой вклад в изжитие этого бедствия!.. А то – одни пустопорожние разговоры!.. Все признают её вред, а делать не делают ничего: или не хотят, или не могут. А я, вот, смогу!.. Будет создано нечто вроде высшего разума. Он вознесётся над всеми: и над Президентом, и над Правительством, над

всеми структурами, вообще – над всеми людьми!.. Он будет всех и все видеть и все контролировать! Он будет воссоздавать справедливость!.. Будет и судьёй, и карающим органом! Все, что нажито нечестным путём, будет изъято и возвращено в общественный фонд!

Мне его страстная речь не могла не понравиться, но весьма благородная цель казалась несбыточной даже при всем могуществе Феде, и я деликатно заметил:

– Какой бы совершенной программа твоя ни была, но управлять ею придётся все равно человеку... А человек, он только на словах справедлив и порядочен. Стоит ему пробраться к штурвалу, как он уже...

– У меня все предусмотрено, – остановил меня Федя. – Всем процессом будет руководить электронно-кибернетический комплекс... А он, по определению, неподкупен и объективен.

– А как он достигнет до сознания человека? Ведь в его мозг не так-то просто проникнуть.

– Это моё ноу-хау! – произнёс Федя с достоинством. – Грубо говоря, это – эффект двадцать пятого кадра. Слышал что-то об этом?..

Я кивнул утвердительно головой и промолвил:

– Это когда в киноплёнку клеят дополнительный кадр с насильно внедряемой информацией?..

– Вот именно! При просмотре такой кадр не замечается глазом, он действует прямо на подсознание, и его оттуда уже ничем не выковырнешь... Только у меня немного другое – не кадр, а электромагнитные волны. Они будут сливаться с теми, что по различным каналам поступают в квартиры и кабинеты... У каждого есть сейчас радио, телевизор, мобильник, компьютер. Вместе с другими программами они будут принимать и мои установки... И хочет того человек или не хочет, но будет послушно исполнять все десять библейских заповедей!.. И моральный кодекс строителя коммунизма... Правда, такой способ вправления мозгов считается запрещённым, нарушением закона, но что делать?!.. Коррупция ещё более незаконна, вообще – вопиющее преступление! Придётся применить старые пролетарские методы – клин вышибать тем же клином!

– Но тогда начинать надо с самых верхов, с президентского окружения, – предложил я, как мне казалось, резонно. – Если там внедрить образцовую честность, порядок наступит везде – низы прекратят шкуродёрничать...

– И об этом я думал, – сказал Федя с досадой. – По логике – да! Раз рыба начинает гнить с головы, с головы её и надо лечить... Но сейчас такое время упущено – рыба уже вся почти разложилась... Я нашёл способ влиять одновременно на всех: и на высших, и на средних, и на мелких паскудников. Для нас сейчас это более важно: с президентами мы не часто общаемся, а вот с местными чиновниками – почти ежедневно... Моя система охватит всех разом... И верхних, и нижних, и тех, кто к ним сбоку пристроился!

– Значит, – опять уточнил я, – эта система будет действовать автоматически и постоянно?.. Её раз запустишь и все?!..

– Конечно! Её надо всего лишь один раз запустить! А она потом уже сама будет наводить должный порядок!.. А насчёт постоянности... Когда коррупция будет изжита, а в этом теперь я ни капельки не сомневаюсь, система перейдёт на спящий режим. Можно, конечно, запрограммировать самоуничтожение, но лучше – спящий режим... Так, на всякий непредвиденный случай...

Федя, растолковывая мне своё хитроумное намерение, светился от удовольствия. Я все же не совсем представлял эту механику, не все понимал, но слушал почтительно, поскольку уже безоговорочно верил ему. Я убеждал себя: «Не понимаю же я многое из того, что творится вокруг... Я не понимаю, если говорить о той же коррупции, почему против неё применяют метод утопления щуки в реке? Высшим коррупционерам постоянно повышают

оклады!.. Не учителям, и врачам, которые бедствуют, а тем, кто и без того купается в роскоши! Неужели кто-то считает, что у этих щук пробудится совесть, и они добровольно откажутся от мздоимства? Никто же не отказался! Стали не только принимать дары, но и вымогать их! И теперь аппетиты их выросли во столько же раз, во сколько возросли их оклады!.. Не понимаю я и того, почему растёт численность этих чиновников! Они же сами ничегошеньки не производят, не создают никаких ценностей, они только их потребляют! Почему же их стало так много, и становится все больше и больше? Почему нас принуждают раболепствовать перед ними? Почему мы раболепствуем? Я всего этого не понимаю, но так оно есть!.. Моё непонимание – не повод сомневаться в реальности гениальных Фединых замыслов, Федя в них верит, а я верю ему! Дай только Бог, чтобы он не затягивал время». И я нетерпеливо спросил:

– Когда же ты разработаешь такую программу?.. Когда она сможет взять все в свои руки?..

– Хоть завтра!.. У меня, практически, уже все готово, могу в любой момент её запустить... Правда, есть тут одна загогулина...

Федя испытующе посмотрел на меня, но мой преданный вид располагал к откровенности.

– Двоюродный братишка получил из военкомата повестку, – продолжил он доверительно, – а тётка моя хочет его отмазать от армии... Ищет подходы к обходам. Вот, как разрулит она эту проблему, так сразу и запущу... Через месячишко, я думаю...

Я тут же стал прощаться с Зайчонком: вспомнил вдруг про свою загогулину. На семейном совете мы дочку решили пропихнуть в институт. Знаний у неё на копейки, но амбиций – на доллары: заблажило стать доктором. Придётся к её разнесчастным копейкам прибавлять свои сбережения и тоже искать варианты. Только б успеть, пока Федя не начал чихвостить коррупцию – месяц пролетит незаметно...

Сеанс вразумления

Завтрак в это воскресное утро проходил в необычно тягостной атмосфере. Виталий Иванович Блеклый, мелкий чиновник районной администрации, хмуро поглощал забелённый сливками кофе и метал недовольные взгляды на сына, из-за которого, собственно, и пахло в доме скандалом. Он накануне слишком поздно пришёл с дискотеки, и от него густо несло табачищем.

Курение Виталий Иванович считал самым дурацким и вредоносным занятием: табачная копоть проникает в сосуды и наносит удар по всему организму. Втянуться легко, а бросить почти невозможно.

«Упустил парня! – упрекнул себя Блеклый, – все дела и дела. Хотя какие, к черту, дела важнее воспитания сына! Все отдал на откуп жене, и вот – результат!».

– Вадим?! – произносит гневный родитель, встречая сына в дверях, и шарит на поясе брючный ремень, но поскольку он вышел в трусах, экзекуция не состоялась. К тому же, Виталий Иванович вспомнил, как его самого, в таком же, приблизительно, возрасте выпорол нещадно отец, почуявший запах от папиросы. Порка запомнилась, но не она отбила охоту к курению. Наоборот, тогда он стал чувствовать себя как бы героем, стойким героем – подпольщиком. И Виталий Иванович подумал, что ремень и здесь уже не поможет.

– Ступай спать! – приказал он. – Завтра поговорим...

Всю ночь огорчённый отец перебирал в уме варианты приемлемых воспитательных мер, и к утру созрело решение – воздействовать надо на разум и психику. «Парень он почти взрослый – скоро четырнадцать лет. Можно и убедить, и внушить».

После завтрака Блеклый увёл сына в зал, дав наказ супруге и теще, чтобы те им пока не мешали.

– Вадик, – вкрадчиво начал Виталий Иванович, посадив его рядом с собой на диване, – все ребятишки со временем становятся взрослыми, а это многое значит. Взрослый человек должен работать. Раньше работал он для того, чтобы приносить пользу обществу: быть полезным стране, государству, народу. Сейчас – быть полезным себе!.. Но не будем пока вдаваться в эти нюансы, главное – надо работать!.. Как ты представляешь себя лет этак через двадцать?..

Сын молчит, не понимая вопроса.

– Кем бы ты хотел стать, когда вырастешь? – помогает отец.

– Космонавтом.

– Замечательно!.. А каким, по-твоему, должен быть космонавт?

– Ну, умным, грамотным, – перечисляет Вадим, – смелым...

– Правильно, – кивает одобрительно Блеклый. – И обязательно с крепким здоровьем. Со слабым здоровьем тебя не возьмут в космонавты будь ты хоть даже профессором... Вот и давай по порядку разбираться в этих вопросах... Начнём с того, что ты сам признаешь очень важным, с того, что космонавт должен быть знающим. А какие знания можно получить в дискотеках, куда ты так пристрастился ходить?.. Или на передачах по телевидению, таких как «Дом – 2», от которых тебя тоже силком не оттащишь?.. А в них – одни свистопляски, разврат и насилие! Это вредные передачи!

И Виталий Иванович лихо драконит телепрограммы, разлагающие, по его убеждению, непопулярных юнцов. Не оставляет он без внимания и многоликие азартные розыгрыши.

– Это же надо! – возмущается он, – десять миллионов рублей обещают тому, кто правильно скажет, у какой из распутных певиц было больше мужей и любовников! Или –

во сколько раз престарелая кляча старше своего последнего мужа!.. Идиотизм!.. Вокруг полно безработных и нищих, а эфир заполняют какой-то бодягой!..

Далее Блеклый излагает забытые истины, говорит, что искусство призвано положительно влиять на людей, воспитывать в них лучшие качества, а то, что сейчас на экранах, это не искусство, а сплошная халтура.

– Зачем же её тогда разрешают?..

– Именно потому!.. Потому что такие программы оглушают народ, а глупцами легко управлять! Умный человек стал сейчас неудобен: он сразу замечает все несообразности, пытается найти их причины и создаёт непростые проблемы. А глупцу все равно, глупца легко обвести вокруг пальца. И обводят!.. Подсунут ему смешные пустышки, он и доволен, до упаду хохочет и не замечает того, что творится вокруг! А махинаторам разных мастей это и на руку: набивают карманы, строят себе королевские замки и, на всякий пожарный, нанимают себе отряды охраны!..

Виталий Иванович, вспомнив вдруг что-то, задаёт сыну вопрос:

– Ты видел передачу по телевизору о том, как Колумб впервые прибыл в Америку?.. Нет?.. Я так и думал... Ты такие передачи не смотришь, а зря! Пора бы тебе уже приобщаться к серьёзным вещам... Так вот, когда Колумб со своими матросами высадился, их встретила группа аборигенов во главе с их вождём. У европейцев глаза разгорелись: на каждом аборигене висят золотые изделия! Много золота! Килограммы на каждом! И европейцы их быстренько раззолотили! И без насилия, хотя у них были ружья, а у туземцев только копья и стрелы! Туземцам стали показывать погремушки, бубенчики и прочую дребедень. Совсем, как вам сейчас демонстрируют дешёвую пошлость.

Блеклый опять не удержался от шпильки по адресу распространителей лжеискусства.

– Аборигенам безделицы страшно понравились. И эти наивные люди добровольно, заметь – добровольно – стали снимать с себя золото и менять его на дешёвую мишуру! И были безмерно счастливы! Они не знали настоящую цену тому, чем владели!

Виталий Иванович посмотрел с лёгкой грустью на сына и продолжил:

– Так и сейчас никчёмные передачи отнимают у молодёжи самое драгоценное – время! В молодом возрасте время не ценится и тратится безрассудно! А когда человек становится взрослым, в голове у него накопилась одна пустота... Пустоголовыми очень легко управлять! – заключил он с досадой.

Мысль о молодёжи, брошенной государством на произвол не давала ему покоя все последнее время, но обсудить её где-то, скажем, у себя на работе он опасался: не мог же он там открыто сказать, что при попустительстве власти молодым людям морочат головы – мигом получишь по шапке. Скажут: а сам-то ты кто? Ты – та же самая власть! Ты – чиновник, ты – служащий власти. И никто не признает, что чиновник чиновнику рознь, что мелкий чиновник – безликая рабочая лошадь. Вернее, гибрид – рабочая лошадь и козел отпущения. Да и по уровню жизни мелкий чиновник мало чем отличается от нечиновника. Ему достаются только объедки и крохи со стола крупных чиновников. Конечно, на службе об этом даже не заикнёшься – иначе лишишься и крох. Но Блеклый был дома, и здесь он мог немного расслабиться.

– Дети – будущее страны! – воскликнул он патетически. – Почему же в руководстве страны не видят, что пичкают в головы нашего будущего махровые авантюристы?! Обязаны видеть! «А может быть видят? – спросил себя мысленно Виталий Иванович. – Видят и аплодируют?..»

Ответить на этот кардинальный вопрос он не смог.

– Те, кто мечтает о космонавтике и других серьёзных занятиях, эти вульгарные передачи не смотрит, – сказал он спокойнее. – Эти передачи рассчитаны на людей с примитивным мышлением. На тех, кому уготовлено быть в жизни на второстепенных ролях... Я,

конечно, никого не хочу здесь обидеть – любой труд уважаем, но тебя мне хотелось бы видеть не подсобным рабочим, а... Пусть не космонавтом, а хотя бы рядовым инженером. Когда ты вырастешь, инженеры снова будут необходимы... Кстати, что такое артист, посредством которого морочат вам головы?.. Простой лицедей! Кривляка! Исполнитель чужих произведений! Автор этих произведений даже не всегда называют, а вот артист – на виду! Он в почёте, в достатке. Потому что он помогает выкачивать деньги!..

Виталий Иванович в первый раз проводит с сыном такую беседу, и тот его внимательно слушает. Отцу это нравится.

– У меня к тебе ещё есть вопрос, – говорит он. – Из твоих друзей кто-нибудь тоже хочет стать космонавтами?

– Да, почти все.

– А смогут ли они ими стать?.. Они готовятся к этому?.. Как они учатся?..

Вадим заметно смутился.

– Вот видишь... Ты уже мальчик большой, подумай, о чем мы с тобой сейчас говорили... Теперь, о здоровье... Может ли космонавтом стать человек, который ещё школу не кончил, а уже портит своё здоровье куреньем?.. Может ли космонавтом стать человек с дырявыми лёгкими?..

– Почему с дырявыми? – спросил недоверчиво сын. – Сейчас даже женщины курят...

– А давай-ка мы поглядим, что от курения становится с лёгкими...

Виталий Иванович поднялся с дивана и прошёл на балкон. Внизу, во дворе у машины с открытым капотом толпились соседи.

– Петрович! – крикнул одному из них Блеклый – Угости сигареткой!..

– Так ты же, вроде, не куришь...

– Надо! Для научного опыта... Сейчас я Вадима пришлю...

Через пару минут Вадим принёс сигарету.

– С фильтром, – удовлетворённо отметил Виталий Иванович. – Отлично! Так будет ещё показательней... Принеси-ка спички из кухни.

Вадим, предвкушая любопытное зрелище, мигом смотался на кухню.

Блеклый вынул из коробка спичку и приготовился чиркнуть, но задержался.

– Ну вот, ты сам посуди, – сказал он настороженному мальчику, – лёгкие предназначены для чего?.. Для того чтобы кровь насыщать кислородом! Они выделяют из воздуха кислород, а им вместо воздуха – дым!.. Зачем?!.. Воздух, он – чистый, прозрачный, его мы даже не видим, а дым?!.. Смотри, что дымом заносится в лёгкие!..

Виталий Иванович поджёг сигарету, втянул в рот порцию дыма и тут же, приложив к губам ребро ладони у основания пальцев, с силой подул. На пальце, по контуру губ образовалась овальная жёлтая линия.

– Смола! – жёстко констатировал Блеклый. – Вся она оседает на лёгких при каждой затяжке! Представь теперь – сколько этой гадости останется в них после всей сигареты? После пачки? При постоянном курении?.. А сигарета-то – с фильтром! Какая-то часть осталась на фильтре... Ты усекай, усекай!..

Вадим с неприязнью смотрел на ядовитую полосу. Именно этим наглядным примером когда-то привил отвращение к курению одноклассникам Блеклого мудрый учитель химии, продемонстрировав его на одном из уроков. Наблюдая реакцию сына, Виталий Иванович решил усилить эффект:

– Теперь попробуй ты сам, – предложил он Вадиму. – Возьми в рот немного дыма и выдуй его через руку.

Сын наотрез отказался, его затошнило.

Виталий Иванович мог поздравить себя с важной победой на трудном воспитательном фронте: его незатейливый опыт дал превосходные результаты. Табачного запаха от сына он больше не чувствовал. Вадим стал прилежно учиться, записался в библиотеку, начал ходить в бассейн и борцовскую секцию.

И что ещё удивительно: неподалёку от школы, в которой учился Вадим, сгорел табачный киоск. Правда, значился он по-иному, но школьники называли его «табакерка». Смуглолицый владелец киоска стал от волнения красным и беспрестанно вопил, что его подожгли, что ему угрожали поджогом. Но пожарники сошлись на другом – замыкание электропроводки.

– Меня подожгли! – истошно кричал погорелец. – Он был новый совсем! Его недавно построили!

Ему снисходительно пояснили: замыкание проводки возможно и в новом киоске. При нахальной его неуместности.

Ноу – хау

Эта безымянная рукопись (ни заголовка, ни фамилии автора) у меня оказалась случайно. Уборщица, зачищавшая шкафы после съехавших на днях арендаторов комнаты, подошла ко мне с пожелтевшей папкой-скоросшивателем и произнесла озабоченно:

– Вот, поглядите: кажись, позабыли. Как бы не хватились за ней... Кажись, какой-то роман...

Это был не роман, а, скорее, рассказ. Рассказ об одном драматичном событии, случившемся в наших краях где-то на заре перестройки.

Не вдаваясь в анализ происходивших в те годы государственных потрясений, автор повествует о том, какое несчастье свалилось тогда на захолустный приволжский посёлок, и как далёкий от геройских достоинств, заурядный российский мужик взялся вызволить (и, главное, вызволил!) многих людей из, казалось бы, непоправимой беды. Портрет этого чудотворного избавителя нарисован правдиво и красочно.

Рассказ мне понравился, и думаю, что понравится многим. Полагаю, что он не должен дальше оставаться в неизвестности в полумраке канцелярского шкафа, и предлагаю его своим современникам в том изложении, в каком появился он у меня.

Сюда, в четвертую городскую больницу, я попал по направлению из поликлиники: участковый терапевт заподозрила у меня язву желудка и настояла на стационарном обследовании.

– Даже если я ошибаюсь, – сказала она напоследок, – ничего страшного: полежите, отдохнёте немного, отвлечётесь от повседневных забот. Условия там хорошие.

– Уж лучше бы вы ошибались! – не смог удержать я в себе свои чувства, думая, конечно, только о язве.

Условия, на мой взгляд, были далеки от хороших и даже посредственных: палата – на семь коек, только две из них были рядом с окнами, другие отступали в глубину помещения. Мне досталась самая крайняя, у внутренней стенки, в полумраке и духоте. Кроме коек здесь были ещё тумбочки с тараканами, круглая железная вешалка и три постоянно кочующих стула. Туалеты и комната гигиены находились в дальнем конце длинного коридора. Про кормёжку и говорить неохота: почти вся пища оставалась в тарелках не съеденной. Выручал молочный магазин, приютившийся возле ворот больничного комплекса. «Хорошо, если бы доктор также заблуждалась и относительно язвы!» – опять думал я, погружаясь в устоявшийся здесь неуют.

Обследование началось с продолжительной беседы с палатным врачом по имени Нина Петровна, спокойной немолодой женщины в чистом белом халате, лёгких комнатных тапочках и очках с круглыми стёклами в металлической белой оправе. Она простукала и промяла меня тонкими, но сильными пальцами, спускаясь от шеи к середине трусов, прослушала с помощью фонендоскопа, измерила кровяное давление, затем присела на принесённый мной стул и стала выпрашивать у меня сведения сугубо личного плана: о том, как я живу, как питаюсь, когда и как отдыхаю.

Я понимал, что такие вопросы помогают врачам докопаться до причины и характера заболевания, и потому отвечал ей охотно и достаточно откровенно. Пришлось рассказать и об одном странном случае, когда я вдруг оказался во власти непонятного мне, какого-то кошмарного состояния.

В августе прошлого года я получил кратковременный отпуск, вернее, отгулы за работу в выходные дни и почти неделю предавался безделью. Жил я один, понукать меня было

некому, и основными моими занятиями были пляж, кафе-столовая и телевизор. Его-то я и считаю главным виновником начала моих неприятностей.

Одна из передач по второму каналу называлась «Умеете ли вы отдыхать?». В ней убедительно, с опорой на бесстрастные цифры и далеко не бесстрастные иллюстрации, утверждалось, что многие граждане нашей необъятной и великой страны потрясающе расточительно и неразумно распоряжаются самым ценным, что у них есть, а именно – здоровьем и временем. При этом время выводилось на первое место, называлось ведущим фактором в этом тандеме, фундаментом как для здоровья, так и для всего остального. Молодые напористые телеведущие наперебой и захлёб вразумляли нас, зрителей, и призывали ужаснуться тому, как бессмысленно и бездарно протекает наша единственная и неповторимая жизнь. Приводилась весомость мгновения, минуты, не говоря уже о других, более крупных бесценных и безвозвратных отрезках.

Эту передачу я зачарованно просмотрел до конца и расстроился основательно. Я вынужден был признать, что отношусь к числу тех невежд, кто безоглядно транжирит столь драгоценное своё состояние. Я, конечно, имел в виду только то время, которое находилось в моем полном и непосредственном распоряжении, то есть, исключая время работы: там подход к его оценке особый, и не оно являлось причиной моих сокрушений.

Я вспоминал, как проводил свои отпуска, субботы, воскресенья, и мне становилось не по себе. Я свободно мог оказаться отрицательным персонажем этой поучительной теле-трансляции. После неё я стал как-то побаиваться полагающихся мне дней отдыха и заранее начинал мучиться над вопросом: как следует поступить в этот раз, как опять не опростоволоситься, как сделать неотвратимый досуг насыщенным и полезным? Охота? Рыбалка? Посещение библиотеки? Кино? Стадион?.. Все, что ни приходило на ум, казалось слишком обыденным, чем-то не тем, что нужно мне, человеку теперь просвещённому, человеку, которому посчастливилось наконец-то прозреть, осознать глубину своего прозябания.

Следует, правда, отметить, что ведущие не относили те же, скажем, стадион или библиотеку к числу осуждаемых увлечений, а про охоту и про рыбалку прямо так и сказали, что по сведениям, дошедшим до нас из глубины далёких веков, время, проведённое на этих мероприятиях, боги даже не засчитывали в счёт отмеренной жизни.

Но мне уже хотелось чего-то большего, чего-то такого, что не только было бы оправданным в текущий момент, но и в какой-то степени восполнило бы мои прошлые промахи и упущения.

Удовлетворить, однако, мои такие запросы оказалось непросто. Чего бы я не придумывал, все мне казалось незначительным и наивным. Я ломал голову в размышлениях, путался в вариантах и их комбинациях, но ни на чем не мог окончательно остановиться. Наступали свободные дни, и все проходило так, как обычно – самотёком, о чем я в дальнейшем опять сожалел и долго терзал себя думами о новых утратах. Дело дошло до того, что нерабочий день страшил меня так, будто мне предстояла изощрённая пытка.

От этих гнетущих страданий избавил меня неожиданно человек, не связанный ни с медициной, ни с журналистикой – мой дядя, Алексей Васильевич, бывший военный лётчик истребительной авиации. Прожив трудную, полную опасностей жизнь, он относился к ней философски.

– Плюнь ты на свои заумные штучки-дрючки, – авторитетно произнёс он, выслушав мои тоскливые откровения. – Живи, как живётся, радуйся тому, что имеешь и не бери себе в голову лишнего!..

Удивительно, но этот немудрёный совет возымел целебное действие. Мне стало как-то полегче, мысли о собственной неполноценности, навеянные с голубого экрана, постепенно растаяли, период глубокой неудовлетворённости своим образом жизни благополучно был

завершён и почти позабыт. Я вспомнил о нем только под рентгеном вопросов дотошной Нины Петровны.

Когда я поведал ей о последствиях той телелекции, она объяснила:

– Все это очень похоже на нервы, на истощение вашей нервной системы. В таком состоянии внушаемость повышается, наблюдаются различного рода депрессии, срывы... Нервы повинны во многих наших болезнях. Нервы и нерациональное питание – верный путь к язвам... У вас, вероятно, был напряжённый период работы?..

Мне захотелось кое-что уточнить.

– Видите, доктор, работа у меня действительно беспокойная, но, когда случился тот, как вы называете, срыв, я несколько дней не работал – находился в отгулах.

– В этом и заключается коварство болезней, – доверительно сообщила Нина Петровна. – Они подстерегают нас именно при расслаблении. У меня был знакомый – хирург, он работал в полевом госпитале. Так он однажды рассказывал: в войну бойцы зимой ночевали прямо в окопах и – никаких простудных заболеваний! Зато после у тех, кому посчастливилось уцелеть, вылезли все болячки... Так и у вас: в период относительного спокойствия, после спада нагрузки, организм подвергся атаке притаившейся до поры болезни. Потом, когда вы опять вошли в свой привычный рабочий ритм, она опять временно отступила, и вы о ней забыли... Я говорю о принципиальной характеристике этого механизма, – спохватилась она. – Совсем не обязательно, что вы нервноболезной, или, что у вас уже язва! Здесь ещё предстоит во всем тщательно разобраться.

Врач сама передвинула стул к другому обитателю нашей палаты, а я, устроившись полусидя на койке, стал размышлять над её разъяснениями, проецируя их на свою, теперь уже трудовую, сторону жизни.

В больнице время тянется медленно, и мне, соблюдая, естественно, установленный здесь режим и выполняя назначения Нины Петровны, многое удалось воскресить в своей памяти и даже провести детальный анализ того, чем я жил в последние месяцы.

Начал я этот анализ с прошлогоднего ноября. Именно тогда с помощью дяди, о котором я уже говорил, я освободился от наваждения и стал занят только привычной работой.

Работал я в ПМК – передвижной механизированной колонне, занимавшейся строительством сельских водопроводов. Тот, кто хоть немного знаком со строительным производством, может представить себе, что творится здесь в последние месяцы года. Процентки, отчёты, акты, протоколы, справки различного рода и для разных инстанций, перечни недоделок и планы мероприятий по их устранению... Бумаги и совещания, новые бумаги и новые совещания... И в центре этой сплошной кутерьмы находится ПТО – производственно-технический отдел, начальником которого я был уже несколько лет.

Предновогодний ажиотаж, как правило, в декабре не кончается, а захватывает и январь, налагаясь на новые хлопоты: составление титульных списков, заключение и пролонгация договоров, открытие финансирования, и так далее, и тому подобное.

Когда, уже в феврале, были закрыты проблемы прошедшего года и сверстаны планы текущего, облегчения мы не почувствовали – начался период притирки в работе с новым начальником ПМК, Лемехом Николаем Максимовичем. Бывшего начальника перевели для нас неожиданно в трест, на должность заместителя управляющего, а нам прислали нового, со стороны.

Лемеха до этого мы не знали и отнеслись к нему настороженно: новая метла, она всегда новая, как она будет мести – неизвестно. Представлял его коллективу сам управляющий трестом. Он говорил, что Лемех – опытный руководитель, что работал он долгое время в городском коммунальном хозяйстве, и он, то есть управляющий, очень надеется, что он, то есть Лемех, сумеет обеспечить должный уровень нашей работы.

Из этой речи я понял, что Лемех не специалист по нашему профилю, что идея его появления здесь исходит не от нашего треста, а от кого-то повыше, и что нам предстоит трудная жизнь: амбиций у этого Лемеха может быть сколько угодно, а знаний нашего дела – кошкины слезы. У меня был уже опыт работы с начальником-дилетантом – дрожь до сих пор пробирает.

По внешности Лемех походил на представителя солнечной Азии: смугл, круглолиц, коренаст. Несколько позже стал ходить слух, что он из потомков немцев Поволжья, но слухи есть слухи.

В своём выступлении Лемех сказал, что будет рад возглавить такой достойный участок работы, о ПМК он знает только хорошее и убеждён в том, что эта положительная тенденция будет продолжена. Говорил он внятно, спокойно, уверенно, но не по речам судят людей у строителей.

У Лемеха если и были недостатки в знаниях по строительству сельских водопроводов, то их ещё надо было распознавать, а вот хватка жёсткого руководителя у него была проявлена сразу. Когда я представил ему конъюнктурный обзор состояния строительства, он тут же зафиксировал главный наш недостаток.

– Я вижу, произнёс он, пробежав глазами весь список, – что почти на каждом объекте не было никакого движения: на начало прошлого года освоение средств было на девяносто процентов, так эти же девяносто процентов остались и на начало текущего года. Почему какие-то жалкие десять процентов за целый год не освоены?!

Я был готов объяснить, но Лемех не стал меня слушать.

– Дальше так не пойдёт! – пристукнул он кулаком по столу.

На первой же планёрке он объявил, что пока не будет сдано госкомиссии то, что не сдано по непонятным ему причинам, и вдаваться в которые он не намерен, новые объекты он начинать не позволит.

Лемеха можно было понять – зачем ему отрабатывать чужие приписки?!

Прорабы, естественно, в панике, пытаются растолковать, что у строителей всегда так: план делают за счёт новых объектов, а старые подчищают потом, между делом, иногда за счёт дополнительных средств заказчика.

Лемех был непреклонен: отчёты и процентовки должны соответствовать реальному положению вещей!

– Сумели напортачить в отчётах, сумеете вовремя выправлять! – чеканил он свои установки. – Все!.. Помощь я вам, конечно же, окажу: за каждым объектом будут закреплены кураторы из управления. Те, кто так же виновен в приписках! В течение первого полугодия все должно быть приведено в норму!

В числе кураторов было названо и моё имя. Мне досталась Грачёвка, село на севере области, участок старшего прораба Шакина. В общем, это был не худший объект: освоение средств по отчёту на нем действительно было почти стопроцентным, но и дела там были близки к завершению – оставались отделочные работы в насосной станции второго подъёма, а так же опрессовка и промывка сетей.

Однако нельзя умолчать и о том, что грачёвский водопровод не был второстепенным объектом. Наоборот, он находился, как принято теперь говорить, в фокусе пристального внимания многих влиятельных людей и организаций. Его держали под неусыпным контролем как снизу – жители этого старинного поселения, так и сверху – администрация области.

Местные жители, можно сказать, выстрадали своё право на чистую, пригодную для питья воду и, понятно, жаждали получить её как можно быстрее. Они буквально дышали в затылок строителям.

У областного начальства имелись свои причины не вычёркивать этот сельский водопровод из перечня ответственных дел до полного его завершения и ввода в эксплуатацию.

Грачёвка располагалась на правом берегу Волги километров в девяносто от нашего города. Берег там высокий, обрывистый, и по этой причине вода была главной головной болью здешнего населения. Веками её в село везли в бочках, сначала в лошадиных упряжках, позднее, когда здесь был создан совхоз, появилась автомобильная водовозка. Водовозка работала круглыми сутками без выходных, но воды все равно не хватало. Дефицит её был виден по облику Грачёвки: из зелени – только полынь да верблюжьих колючки, во дворах – ни единого деревца, почти не было огородов. Занятием жителей были: работа в совхозе, разведение кур и рыбалка. Кое-кто сумел соорудить примитивные водокачки, но они не решали проблемы. В летние дни село казалось безлюдным, ставни в окнах были закрыты, по улицам сухой ветром играл клубами пыли.

Многие поколения грачёвцев мечтали о настоящем водопроводе и жгуче завидовали другим, особенно левобережным волжским посёлкам, в которых вода уже давно была в изобилии и подавалась бесперебойно не только в уличные колонки, но и во дворы, а то и в дома, почти так же, как в городе.

Понятно, что жители Грачёвки были несколько не хуже людей, населявших другие посёлки, и страдания их объяснялись только одним: сложным техническим решением системы водоснабжения, точнее, первой, головной её части. Уровень Волги был ниже Грачёвки метров на десять-двенадцать, и высота эта не была постоянной – зависела от времени года. К тому же, во время весеннего половодья берег почти всегда подмывался, обваливался. И это дополнительно затрудняло выбор решения.

Обычные сельские водопроводы, если говорить упрощённо, состоят из труб большого диаметра, проложенных в реку, и берегового колодца, в который вода по трубам идёт самотёком. Отсюда, уже насосами, она подаётся на очистные сооружения, потом в водонапорную башню и наконец – в сеть. На концах труб, что в реке, делаются различные устройства защиты: от попадания в них молоди рыб, от повреждения их ледоходом, судами, но важно не это для понимания неспециалисту сущности имевшихся затруднений. Важно другое: вода в прибрежном колодце постоянно должна иметься в таком объёме, чтобы обеспечить работу мощных насосов, чтобы они не успевали его осушать, а это значит, что дно колодца должно находиться значительно ниже концов труб, протянутых в реку. Если учесть, что сами трубы предстоит заглублять (вода в них не должна замерзнуть в зимнее время, а в межень период они не должны быть близко к водной поверхности), да ещё учесть высоту берега, то можно представить, на какой глубине должны быть проложены трубы – не менее пятнадцати метров!

И это ещё не все! Строить колодец близко у берега было нельзя – его непременно разрушит первый же паводок. Безопасное место, по прикидкам проектировщиков, находилось метрах в тридцати от береговой линии.

Вот теперь и проблема: для того, чтобы проложить самотёчные трубы, нужно вырыть траншею длиной в тридцать метров и глубиной в полных пятнадцать! О самом колодце я не говорю: его построить мы в состоянии – в ПМК имелась и нужная техника, и специалисты. Колодцы, мы называем их шахтными, ПМК часто строило в безводных местах при чабанских кошарах. Но такая траншея!!.. Выкопать её было для нас практически невозможно: во всей области не было таких экскаваторов. Вручную же – за годы не выроешь даже если привлечь к этому делу всех работников ПМК и всех трудоспособных грачёвцев.

Я был участником одного из совещаний, на котором рассматривалась проблема водоснабжения Грачёвки. Представитель проектной организации тогда заявил: высота берега и расчётная отдалённость от уреза воды не позволяют применить типовые решения головной части водопровода, разработка же и осуществление индивидуального проекта обойдётся так дорого, что дешевле перенести все село на новое место.

О переносе посёлка речь, конечно, дальше этого заявления не пошла, но и других решений тогда принято не было. Проблема зашла в тупик, и казалось, что ни в ближайшем, ни в отдалённом будущем грачёвцам не грозит ликвидация водовозок.

И все-таки им повезло. С чьей-то лёгкой руки жители этого многострадального поселения стали вдруг инициаторами выдвижения одного из местных политиков (бывшего секретаря обкома КПСС) на пост губернатора. Единственным наказом при его выдвижении было... да! Строительство водопровода!

Кандидат этот наказ обещал выполнить, при условии его избрания, конечно. Его выбрали. Он оказался обязательным человеком, и уже через полгода после его вступления в новую должность в Грачёвке появились строители – работники нашего ПМК.

Сложный вопрос с водозабором губернатор решил очень просто, по-губернаторски: он отказался от услуг местных проектировщиков, настроенных пессимистично, и обратился к иногородней организации. Там-то и выдали приемлемое во всех отношениях решение. В основе его лежал известный всем способ переливания жидкости из одной бутылки в другую при помощи резиновой трубки. Такая необходимость возникает часто у домохозяек и шофёров. Один конец трубки опускается в ёмкость, где находится жидкость, через другой отсасывается воздух из трубки и этот конец опускается в порожнюю ёмкость. Жидкость самостоятельно начинает переливаться. Необходимых и достаточных условий работы такой системы два: трубка должна быть герметичной и раздающий конец её должен быть ниже уровня извлекаемой жидкости.

Условия эти в проекте достигались следующим образом: глубина водоприёмного колодца была предусмотрена ниже меженного уровня Волги, вакуум в подающих трубах обеспечивали два специальных насоса, причём, необходимость в них была только для пуска, в дальнейшем эта система должна была работать автоматически.

Проектанты уходили от невыполнимой задачи – большого заглубления труб, теперь глубина их прокладки определялась лишь исключением замерзания воды в них в зимнее время. И хотя трубы поднимались круто по профилю берега, сомнений в надёжной работе такого водозабора у специалистов не было.

Сам колодец оставался таким же глубоким, но нас, как я уже говорил, это не лимитировало.

Проект был рассмотрен, одобрен и утверждён, ПМК создало в Грачёвке специальное подразделение, и дела пошли так, что водопровод был готов к сдаче в небывало короткие для нас сроки.

В марте, когда Лемех только знакомился с ПМК, в Грачёвке начались завершающие работы: испытания труб на прочность и плотность, промывка отдельных участков и установка на улицах пожарных гидрантов и водоразборных колонок. Назначение куратора на этот объект было, по-моему, необязательно, и то, что я все-таки им оказался, я объяснял или недостаточной компетентностью Лемеха в специфике нашей работы, или же его сильным желанием подстраховаться, не допустить оплошности там, где о ней тотчас донесут самому губернатору.

В последней декаде апреля в колонках появилась вода. Нам предстояло ещё отладить работу очистных сооружений, добиться соответствия воды требованиям стандарта, но люди уже вовсю разбирали её из системы, наслаждаясь невиданным до сих пор её изобилием и доступностью.

Директор совхоза, энергичный мужчина лет сорока пяти, был в эти дни радостно возбуждён. Он первым поставил свою подпись в акте рабочей комиссии и торжественно заявил, что даёт банкет в честь строителей.

Мысль о банкете родилась у него, как мне кажется, не случайно. Он понимал, что грачёвцы навсегда свяжут водопровод с его именем, и захотел закрепить эту историческую связь с ещё одним памятным событием – коллективным застольем.

У меня засосало под ложечкой, когда воспоминания продвинулись до банкета: очень велика была разница между тогдашними разносолами и сиротским больничным пайком.

Вечер был тогда тёплый безветренный, но опасаясь неожиданной непогоды, столы накрывали под крышей – в здании сельского клуба, прямо в зрительном зале. Лишние скамейки сдвинули к стенам, а в центре составили букву «П» из канцелярских столов, принесённых из совхозной конторы и сельсовета. Закуска была основательная: куски варёной, жареной и запечённой баранины – совхозной продукции, соленья, сыры, колбаса, крупная каспийская сельдь с варёным картофелем, осетрина разных способов приготовления... Напитки – традиционные для подобных мероприятий: водка (она доминировала), вино, минералка. На столе-перекладине буквы «П», где восседало начальство и члены рабочей комиссии, виднелись также бутылки коньяка и шампанского, там же, на специальной подставке, возвышался большой графин с водой, налитой из клубного крана. За другими столами разместились отдельными группами работники ПМК и представители здешней интеллигенции: служащие совхоза, сельского совета, учителя местной школы.

Лемех тоже прибыл в Грачёвку: директор совхоза сам попросил его присутствовать при церемонии подписания акта рабочей комиссии. Это был первый визит Лемеха на сдаваемый нами объект.

Директор совхоза и Лемех, который быстро вписался в праздничную обстановку, обменялись цветистыми тостами. Событие для села действительно было значительным и потому высокопарность речей казалась уместной.

Лемех, очевидно, тронутый словами благодарности в свой адрес, ещё раз поднялся и во всеуслышание заявил, что он от имени ПМК гарантирует бесперебойную работу водопровода в течение долгих лет, а в случае чего (не дай, конечно, этого бог) он гарантирует незамедлительное и безвозмездное устранение дефектов.

Мне такие слова показались абсолютно не нужными: никаких гарантий мы ещё никому никогда не давали. Исправлять кое-что, бывало, и исправляли, но без ложного чувства вины – надо было смотреть как следует во время приёмки, а вечного ничего не бывает. «Впрочем, – подумал я, – никто слова о гарантиях всерьёз не воспримет: чего по пьяни не нагородишь!»

Потом были тосты других участников торжества, но их слушали уже не очень внимательно, под хруст вкусной еды за ушами.

Банкет ещё продолжался, когда Лемех вдруг поднялся из-за стола и стал прощаться с сидевшими рядом. С совхозным директором он долго и тепло обнимался, было слышно, как они благодарили друг друга: Лемех – за хороший приём, директор – за бесценный подарок, за воду. Проходя мимо моего места, Лемех сказал, что ему пора уезжать и он хочет, чтобы я с ним поехал, дескать, есть разговор. Велел также взять с собой Шакина.

Мы втроём вышли на улицу и, пока отыскался шофёр, наслаждались чистым и свежим воздухом, поднимавшимся с Волги. На моих часах было около десяти, на небе уже кое-где показались бледноватые звезды, а из клуба доносились нестройные звуки, кто-то пытался затянуть песню.

Делового разговора в дороге не получилось. Лемех, как было заметно, разомлел от выпитого и приятных впечатлений и был настроен сентиментально.

– Хорошо, когда трудовые отношения переходят в товарищеские, – благодушно проговорил он, имея ввиду, как я понимал, директора совхоза, с которым он только что распрощался. – А что?.. Он мужик неплохой, толковый и компанейский. И, к тому же, очень полезный: обещал баранинку подослать по первому требованию, тьфу, черт, не по требованию,

понятно, а по простому намёку... Ты, Шакин, давай все там сделай на совесть, надо, чтобы память о нас там была доброй... Перечень недоделок большой?..

– Да нет. Дней на десять... Можно после праздников вызывать наладчиков водочистки... Число на одиннадцатое...

– Владимир Михайлович тебе в этом – первый помощник. Верно?..

Лемех повернулся назад и выжидающе посмотрел мне в глаза. Я согласно кивнул, и всю дорогу мы больше почти и не разговаривали, думали каждый о своём и по-своему переживали этот насыщенный день.

Подписание акта рабочей комиссии юридически означает передачу объекта от подрядчика, в данном случае – от ПМК, заказчику, которым выступал Грачёвский совхоз, поэтому я мог с чистой совестью полагать, что мои кураторские обязанности на этом закончились, и что поручение Лемеха я выполнил с честью. Недаром же совхоз закатил такое небывалое в этом селе торжество. Я вновь почувствовал себя полноценным начальником ПТО. Что касается оказания помощи Шакину в устранении недоделок, о чем говорил Лемех в машине, то это не повод утомлять себя лишними хлопотами за Грачёвку: Шакин – бывалый строитель, и он знает, как обзавестись нужной справкой без моей подсказки и помощи.

Жизнь моя, можно сказать, вернулась в своё привычное русло. В Первомайские праздники я отдыхал, отсыпался, в коротком промежутке рабочих дней – от третьего мая до Дня Победы – подбирал кое-какие дела в отделе, а девятого мая почистил и отгладил костюм и направился в гости к Алексею Васильевичу, своему дяде, единственному оставшемуся в живых родственнику-фронтовику.

Девятое мая был для него самым дорогим из всех многочисленных праздников. В этот день он надевал пиджак со сверкающими орденами и медалями и принимал гостей. Во дворе под навесом накрывался стол, и почти целый день здесь было шумно и весело. Алексей Васильевич охотно рассказывал, когда и за какие заслуги он был представлен к заинтересовавшей кого-то награде, показывал вырезки из фронтовых газет, военных лет фотографии, и обязательно ту, где он позировал фронтовому фотографу на фоне разрушенного рейхстага.

Не навестить и не поздравить с праздником дядю в этот знаменательный день было бы непросительным упущением. Но и кроме этой, своего рода обязанности, я шёл к нему с удовольствием: общаться с ним было и приятно, и интересно, несмотря на большую разницу в возрасте и, отчасти, в убеждениях. Он был ещё крепок здоровьем, жизнерадостен, увлекался охотой, рыбалкой, выезжал за грибами на своём громыхающем «Запорожце», и не упускал подходящего повода выпить стопку-другую. В общем, и сам себе он скучать не давал, и в компании с ним никогда не было скучно.

Не повезло ему в жизни, правда, с жильём. Ютился он почти на окраине города в деревянном ветхом домишке, построенном при предпоследнем царе. Отдалённость и отсутствие у обоих нас телефонов создавали помехи для регулярного общения с ним, и потому каждая наша встреча сама по себе была наподобие праздника, тем более та, на которую я тогда направлялся.

Было, как помню, тепло, солнечно, тихо. Большую часть пути я одолел на трамвае, потом пешком пересёк несколько узких не мощёных, почти деревенских улочек, подошёл наконец к знакомому домику и отворил выдавшую виды калитку.

Войдя, я бросил взгляд на часы – было больше двенадцати. Дядя и в этот раз не изменил установленной им традиции: во дворе красовался гостевой стол, и по его виду было понятно, что за ним уже хорошо посидели. На земле возле ножки стола грудились несколько пустых бутылок с водочными этикетками, на столе пузатился самовар, виднелись чашки, варенье – верный признак исполнения всего ритуала гостеприимства у людей преклонного возраста.

Судя по количеству стульев, здесь могло одновременно сидеть не менее восьми человек. Сейчас за столом был один Алексей Васильевич. Он немного поупрекал меня за позднее появление и усадил рядом.

– Давай отметим этот святой для всех день, – произнёс он торжественно и наполнил водкой разнообъёмные стопки, себе ту, что поменьше, мне – чуть ли не со стакан. – Штрафная! – добавил он выразительно, – За всех, кто живёт, и за тех, кто не дожил!

Я первым выпил до доньшка и вскоре заметил, что чувствую себя моложе и энергичней. Хотелось веселиться и озорничать, вокруг, как в той песне, стало вдруг голубым и зелёным.

Скрип открывающейся калитки разрушил эти блаженные ощущения, и я повернулся к воротам.

Во дворе появился высокий худой мужчина в клетчатой рубашке с закатанными до локтей рукавами. На нем были также широкие штаны, давно не выдавшие утюга, и сандалии на босую ногу. В руке он держал синюю дорожную сумку.

– А-а, Афанасий! – крикнул ему дядя. – Иду!

Вставая, он сказал мне: «Это сосед, он по делу. Сейчас я вернусь».

Я видел, как дядя взял у мужика его сумку и унёс её в дом. «Афанасий... Афанасий...» – звучало у меня в голове. Это редкое имя показалось мне очень знакомым. Его я, кажется, уже слышал в этом дворе. Точно! Все ясно вспомнил! Память даже не пришлось особенно напрягать, она сама услужливо выдала все подробности того осеннего дня, чётко, будто бы на экране.

Это было в прошлом году на ноябрьские праздники, в самый острый период моих терзаний по поводу трат свободного времени. Тогда-то я и забрёл сюда, можно сказать, случайно, просто чтобы развеяться.

Дядя так же был во дворе, он сидел на низкой скамейке вблизи летней кухни и ощипывал дикую утку. Перед ним стояло ведро и три больших таза. В ведро он бросал крупные перья, в одном тазу были перья помельче, в другом – дичь, подлежащая ощипу, в третьем тазу лежали тушки без перьев, их там было больше десятка.

Дядя, как оказалось, накануне приехал с охоты. Ездил он далеко, к самому морю на лёгком прогулочном катере, и я не сдержал удивления: как он решился в коварную предзимнюю пору на такой рискованный шаг? Холода в прошлом году нагрянули рано, лужи по ночам уже замерзали.

Я знал, что такое время охотники очень любили: сюда, на юг, слеталась дичь с севера, и охота была продуктивной, но и охотиться там, на взморье, было чрезвычайно опасно. Случалось, что внезапные морозы сковывали прочным и острым, как стекло, льдом алюминиевые судёнышки, и люди оказывались в беспомощном положении. Ни под мотором, ни на шестах, ни волоком в резиновых сапогах или костюмах невозможно было вывести катер к незамёрзшим протокам: режущий лёд не позволял этого сделать. Чтобы вызволить охотников из беды, снаряжались специальные спасательные экспедиции, но помощь не всегда успевала.

– Да я и сам не хотел поначалу, – отвечал дядя на мои укоризны, продолжая выщипывать перья. – Напарник мой, Николай, ты видел его на лодочной станции, так вот он приболел, отказался. А с другими я больше не езжу – раза два обжигался. Напьются до изумления и начинают чудить: хвастаться или выяснять отношения, а с ружьями в руках это... сам понимаешь... Ну, в общем и я решил, что не еду, а тут – Афанасий, сосед, вон там его дом, – дядя уткой показал на ворота, – напротив моего, на другой стороне улицы... До сих пор не пойму, от кого он узнал, что я собирался охотиться, и что у меня нет напарника. Короче, приходит сюда он и говорит: «Давай, я поеду с тобой!».. Я не слышал, что у него ружье-то имеется. Спрашиваю его, значит, об этом, а он даже обиделся: да ты чего, говорит, у меня

«Зауэр» с тремя кольцами! У нас, говорит, в Сибири... И начал такое рассказывать про свой охотничий опыт, что я начал верить, тем более, знаю, что он действительно из Сибири приехал... Тогда у меня возникла другая опаска: они часто скандалят с женой. Она, правда, сама – не дай тебе бог! Пивом в ларьке торгует, но все же и он, рассуждаю, не ангел. Как начнут в доме орать друг на друга – по всей улице мат, хоть затыкай уши. А вдруг, думаю, он и там заведётся?.. Ну, значит, стал искать другие причины, чтобы и отказать, и было бы без обиды – сосед все-таки. С бензином, говорю, пока не решил: пенсию пока что не выдали. На водку, говорю, деньги нужны, на закуску. Короче, не готов, говорю, я к поездке. Так ему и сказал. А он: «Ты, – говорит, – соглашайся, а водка и бензин – это моя забота». И точно – к вечеру пригнал самосвал с двумя баками и все канистры заполнил. У него свояк – механик на автобазе. Ну, короче, уговорил он меня. Но только на раз! Больше с ним ни за что не поеду...

Дядя замолчал и странно так усмехнулся.

– Что-то произошло там у вас? – спросил я, сел с ним рядом на табуретку и взял одну из неошипанных тушек. – Чего ухмыляешься?..

– Да нет. Того, чего я боялся, не было. Он и выпивши вёл себя нормально, по-свойски. Но вот как охотник он – ни в дугу!.. Холодно было, так он в камышовую колку прямо в шубе пошёл! Она у него мехом наружу, намочился, обратно пришёл весь в сосульках, потом в лодке до полуночи обламывал их.

– А убил он чего?..

– Куда там! Шуба-то чёрная – весь на виду! Птица за версту шарахается от его огневой точки. Правда, в мою сторону... А он ещё, перед тем, как пойти, нарезал в кулак пучок чакана. Спрашиваю: зачем? А он говорит – маскировка! У нас, говорит, в Сибири, все так охотятся. И показал. Значит, как утку увидят, так этот сноп и выставляют перед собой. А он только лицо ему закрывает! Сам себе же мешает!.. «У нас в Сибири!» – передразнил Афанасия дядя.

Картину он тогда нарисовал впечатляющую: где-то в безбрежной водно-камышовой глуши, содрогаясь от порывов морозного ветра, притаился человек в чёрной лохматой одежде с вымокшими полами и тщетно ожидает прилёта к нему чутких и боязливых уток. Ему холодно, руки его сжимают ружье и дурацкий пучок травы, они окоченели и стали красными, как гусиные лапы, сапоги его вязнут в липком иле, он голоден – чуть свет ушёл от лодки без завтрака... Но он надеется на удачу и замирает в полусогнутом положении, заметив на горизонте черные чёрточки. Он верит, что это его долгожданные утки. Только бы подлетели на выстрел!

Я зябко передёрнул плечами. «Выходит, вот почему, – вспомнился фрагмент из засевшей в памяти телелекции, – время охоты минует из жизненного актива! Какая же там жизнь?! Там настоящая каторга!»

– Одну он все-таки подстрелил, – продолжал рассказывать дядя, – чумную какую-то. Принёс её к лодке, радуется, смеётся, а я смотрю – у него зубов нет! Что с зубами-то, спрашиваю.

Отвечает: «Къякаш это». Оказывается: утка эта была подранок, ещё шевелилась, и он, чтобы её умертвить надумал прокусить ей голову! Как волк! «У нас в Сибири, – говорит, – все так делают». А челюсть – вставная, на двух зубах всего и держалась. Домой в кармане повёз... Да, ещё вот: вечером – совсем уж стемнело – перед ним чирок опустился, он его – в упор, метров с пяти. Принёс – голова, крылья и ноги: все мясо вырвало. Я ему говорю: выбрось, здесь есть нечего. А он хвалится: «Ты, – говорит, – в моем ружье сомневался! Смотри, как оно кучно стреляет!»..

«Так вот он какой Афанасий, сибиряк и охотник», – подвёл я итог воспоминаниям о полугодовой давности эпизоде.

Афанасий, облокотившись плечом на створку ворот, вытащил из кармана пачку с сигаретами, спички и закурил. Я искоса посматривал на этого человека. У него была интересная, но без претензий на красоту, голова. Портили её узкий лоб и вытянутые вперёд челюсти. Длинный широкий нос и тонкие губы обаяния ему также не создавали. Волосы у него были прямые, короткие, светлые. Глаза – небольшие, с прищуром.

Афанасий тоже изредка бросал в мою сторону безучастные взгляды.

Дядя наконец вышел из дома и возвратил ему опустевшую сумку. Афанасий тут же ушёл.

– Водку я ему заказывал, – объяснил дядя, вернувшись ко мне. – Дом решил приподнять и сделать нормальный фундамент. Рабочих придётся поить...

– У меня к тебе есть два вопроса, – произнёс я, отметив ясность мысли и трудность её выражения: язык мой что-то стал не очень послушен. – Во-первых, о доме. Тебе положено иметь хорошую площадь. Как ветерану войны. Со всеми удобствами. Не смотрятся твои ордена на фоне этой халупы.

– Положено-то, положено, да не дают. А теперь даже не обещают...

– А ты добивайся!.. Ходи по инстанциям: к военкому сходи, к губернатору, в Москву напиши – есть же закон!

– И ходил, и писал. Все испробовал, – помрачнел дядя.

– А ты ещё раз сходи! – упрямо настаивал я.

Уже потом, дома, я осознал, что лез по-медвежьи в большую душевную рану. Конечно же, он предпринял все, что мог из того, что надо. Не хотел он в тот день признаваться, что прошлое властями зачёркнуто, что старики для них стали просто обузой.

– Чую, что придётся здесь свой век доживать, – сдержанно продолжил седой ветеран. – Ничего, сруб прочный, пластинный. Подниму... Вот домкраты достал, – он показал рукой в угол двора, где стояли четыре мощных домкрата, которыми, по их виду, можно приподнять не только тщедушный домишко небогатого военного пенсионера, но и кирпичный коттедж какого-нибудь новоиспечённого богача-паразита, знавшего о войне понаслышке. – Думаю за лето сделать фундамент и отопление от газового котелка... Задумал много... Ну, давай поднимем ещё помаленечку...

Мы опять выпили и поковырялись в закуске.

– Теперь у меня второе: почему ты водку берёшь не в магазине, а у этого... Афанасия?

– Так он на ликёро-водке работает. Слесарь-наладчик. Он с завода выносит и за полцены продаёт.

– Ин-те-ресно! Как же ее он пронесит? Там в проходной, я слышал, даже женщин ощупывают. И с сумками на территорию никого не пускают.

Дядя от души рассмеялся.

– Ты же его сейчас видел!.. Тощий он, как скелет! Он может свой живот так втянуть – прямо до позвоночника! У него образуется такая ниша – сумки не надо. Он за пояс наставляет бутылок не менее четырёх, как в патронташ. Живот втянет, рубашку наверх выпустит и идёт с пустыми руками. Вовек не догадаешься!.. Каждый день он по два рейса делает: вечером и в обед. Ему же водку сбывать надо, вот он соседям и продаёт. И ему хорошо, и нам. Правда, он и сам хорошо зашибает...

Пока я осмысливал это известие, дядя продолжал рассказывать о соседе:

– А руки у него – золотые! И голова варит здорово! У меня в «Запорожце» что-то в электросистеме случилось, два дня бился, а не найду. Ты же знаешь – в технике я не олень, а не могу понять ничего! Заходит он, Афанасий, поддамши, конечно, и все равно быстро, минут за пятнадцать, нашёл неисправность... Башка его работает хорошо!

Девятое мая выпало в этом году на понедельник. На другой день, во вторник, я вынужден был поехать в Грачёвку, на этом настоял Лемех. В Грачёвке должны были появиться работники пуско-наладочной организации, и Лемех решил, что моё присутствие при их работе необходимо.

– Ознакомьте их с объектом, передайте документацию, – напутствовал он, – и проконтролируйте, чтобы и они сделали все как надо. Их промахи могут приписать нам, поэтому будьте там до подписания соответствующего акта руководством совхоза... Договорились?..

Мне оставалось лишь согласиться. Перечить начальству меня уже давно отучили.

Мы поехали вместе с Шакиным на самосвале, закреплённом за его участком. Шакин был в беззаботно-приподнятом настроении, вертел большой и круглой, как шар, головой с короткими рыжими волосами, щурил плутоватые глазки и почти всю дорогу рассказывал курьёзные случаи из своей беспокойной жизни строителя сельских водопроводов. В конце пути он признался:

– Не помню случая, когда ещё было так приятно выезжать на объект: работы закончены, акты подписаны, еду как на прогулку.

– А недоделки? – напомнил я. – Там сколько позиций?..

– А-а, – отмахнулся Шакин. – Разве ж то – недоделки! Ребята уже все, наверно, подчистили. Совхоз туда тоже своих работяг поставил, чтобы быстрее все кончить и малость подучиться у наших.

Обстановка в Грачёвке действительно оказалась нормальной. Солидно гудели моторы в насосной станции второго подъёма, глубинный водоприёмный колодец был заполнен водой до нужного уровня, а в самой отдалённой точке на уличной трассе была открыта задвижка, и вода с хорошим напором вытекала на землю и по уже образовавшейся неглубокой траншее бежала обратно в Волгу. Шла, как и положено, промывка водопроводной системы. Я видел, как из колонок жители наполняли ведра и носили их к себе во дворы. «Все! – сказал я себе. – Дело сделано. Водопровод заработал!»

Наладчиков пока не было. После обеда Шакин заявил, что ему крайне надо вечером быть в ПМК. Я не возражал против его отъезда: строительные и монтажные работы, которые входили в круг его обязанностей, были завершены, оборудование находилось в эксплуатационном состоянии, работало. Относительно же наладочных работ на водоочистке, то это касается больше заказчика, то есть, совхозных руководителей и, в определённой степени, меня, как куратора и контролёра.

Шакин уехал, остававшихся здесь рабочих он тоже отправил на базу – станцию уже обслуживали совхозные специалисты. Я же побродил по селу, заглянул в единственный здесь магазин, где продавались и продукты, и промышленные товары, а потом решил опять обойти построенные нами сооружения.

Начал со здания, в котором располагался водоприёмный колодец. Здесь и была та новинка, находка проектировщиков, которая разрешила вековую проблему водоснабжения села.

Здание состояло из одной большой комнаты, в центре которой, примерно на полметра от пола, возвышалась верхняя часть колодца с откидной крышкой. Над колодцем висела таль с электрическим приводом, у стены расположены три насоса, назначение которых я знал: один – вакуумный, он создавал разрежение в трубах, протянутых в Волгу, чтобы вода поднималась к колодцу. Сейчас этот насос не работал: своё дело он сделал, вода теперь поднималась самостоятельно. Два других насоса гудели – они качали воду на станцию второго подъёма.

Впервые я был в этом здании, когда оно ещё строилось. Впечатление – незабываемое: колодец – зияющая круглая бездна, в него сбоку входили и ныряли во тьму две двухсотмиллиметровые стальные трубы с краном на них, для подключения вакуумного насоса.

Сейчас колодец был закрыт крышкой и походил на круглый обеденный стол. Внутренние стены здания были оштукатурены и покрашены, оборудование и трубы – тоже покрашены в разные цвета. Все выглядело привлекательно и уютно. На единственном окне висела цветастая занавеска.

В помещении я никого не застал – оно не нуждалось в постоянном обслуживании. Одно только мне здесь не понравилось – дверь была закрыта не на замок, а на закрутку из проволоки. «Любой может зайти и сыпануть в колодец какой-нибудь гадости», – подумал я и решил предупредить об этом кого-нибудь из ответственных лиц совхоза.

Часа полтора провёл я на станции второго подъёма, самом сложном, в части эксплуатации, сооружении, поговорил с машинистами водопровода – вчерашними совхозными механизаторами. Их было двое – Фёдор и Николай, крепкие, уже почерневшие на солнце ребята, общительные и расторопные. Они были довольны своим назначением сюда, только немного смущались отсутствием здесь привычного физического труда: тут и работать-то нечего: все действует самостоятельно, сиди и посматривай.

Дело шло к вечеру, а пуско-наладчики так пока и не появлялись. Я поужинал в совхозной столовой, полюбовался с крутого берега на величавую Волгу, а когда закатилось солнце и стали одолевать комары, отправился спать в комнату, отведённую строителям в одном из совхозных домов.

Проснулся я от громкого стука в окно. Было светло, но на часах – всего без четверти шесть. «Кому я понадобился в такую рань?!». Отодвинув чуть в сторону занавеску, я увидел четырёх человек, один из них был знакомый – главный инженер совхоза. Бросалась в глаза их одежда – полудомашняя, одевались, видимо, в спешке. Главный инженер был в спортивном костюме и чуть ли не босиком – в каких-то изношенных шлёпанцах. Возле него, размахивая руками, крутился шуплый мужчина, только он один был одет по нормальному.

«Что-то с водопроводом?!» – сразу мелькнула у меня тревожная мысль. Я метнулся на кухню и повернул кран (сюда, как и ещё в некоторые дома, в основном, руководящих работников, водопровод провели внутрь), кран молчал!

– Сейчас! Выхожу! – крикнул я в форточку и торопливо оделся.

Первым обнаружил неладное совхозный шофёр Сеня Семенов, тот, кто суетился сейчас возле главного инженера. Ему нужно было пораньше куда-то поехать, и он, уже по привычке, пошёл с ведром за водой к колонке.

– Надавил ручку, – возбуждённо рассказывал он, как видно, не в первый раз, – а воды нету! Тю-тю! Я – ухом к дырке трубы – никаких звуков! Мёртвая тишина! Свет, смотрю в окно, есть – значит, насосы должны работать. Заснули, думаю, черти там, на водокачке, и прямо с ведром топаю к ним. А они – нет, не спят. Оба стоят возле домика, который к берегу ближе, и ничего толком не объясняют. Встали, говорят, моторы – и все тут. Сначала, говорят, загудели натужно, как с перегрузкой, потом что-то щёлкнуло, и они встали... Тогда я – к директору, а он послал вот к нему.

Семенов показал рукой на главного инженера.

Мы всей группой направились к насосной станции. Малорослый Семенов семенил рядом со мной и с придыханием торопливо излагал все новые и новые свои впечатления, он явно чувствовал себя героем этого дня и уверенно увлекал нас к зданию с глубинным водоприёмным колодцем.

В дверях стоял здоровенный, с лохматой головой парень и хмуро смотрел в нашу сторону.

– Ну, чего там? Рассказывай живо! – подскочил к нему Семенов.

– Сам не пойму, – ответил парень, но не Семенову, от него он отмахнулся, как от назойливой мухи, а главному инженеру. – Ночью насосы остановились. Свет горит, а они не рабо-

тают. Мы с Васькой вечером заступили, сразу побегли сюда, смотрим: колодец полон воды, а насосы стоят. Похоже, что колодец илом забило.

– Почему илом? – вмешался я, – Откуда там взяться илу?

– Откуда – не знаю, но что ил – это точно. Иди, сам загляни, если не веришь.

Он, я и главный инженер вошли в здание. Крышка колодца была откинута, в шаге от него стоял худощавый парнишка с капроновой верёвкой в руках. Один конец верёвки сбегал внутрь колодца, другой кольцами лежал на полу.

– Она как раз до самого дна доставала, – сообщил нам лохматый. – А сейчас... Покажи!..

Парнишка потянул верёвку и вскоре вытащил привязанный к ней камень.

– Вон теперь сколько до дна, – прокомментировал лохматый, – метра четыре. А раньше чуть ли не вся она туда уходила.

Он взял в свои руки верёвку и опять бросил конец с камнем в воду. Поднимая и опуская его, он подтвердил правильность своих слов: камень где-то неглубоко ударился о грунт.

– Все трубы заилились, – тихо проговорил худощавый парнишка.

Я прикидывал, что можно сделать в такой ситуации. Нужно окончательно убедиться: ил там или что-то другое. В любом случае концы подающих труб тоже должны быть забиты, значит вода с реки больше не поступает.

– Давайте ведрами отчерпаем воду до этого ила, – предложил я парням, – тогда все станет ясно.

В эту работу включились и люди, которых взбудоражил Семенов. В полчаса вода была вычерпана, и перед нами, в свете опущенной лампы, предстало твёрдое песчаное дно. Столб песка, который как-то прорвался в колодец, составлял, по моим прикидкам, не менее шести метров. В этом песке оказались замурованными задвижки, поставленные на концы подающих труб, сами подающие трубы, погружной насос, и приёмные трубы насосов, качавших воду на станцию второго подъёма. Песок был настолько плотным, что почти не поддавался лопате. Картина была удручающей.

К зданию подъехал на «Волге» директор совхоза. Главный инженер почти побежал к нему и начал что-то рассказывать. Директор слушал и хмурился все больше и больше. Потом он вошёл в здание, заглянул вглубь колодца и удалился, не проронив здесь ни слова. У машины он спросил главного инженера:

– От ПМК есть кто-нибудь? – как будто он меня и не видел. – Вот пусть они разбираются!

Я видел, как он усаживается на первое сиденье, велит главному инженеру садиться на заднее, и машина помчалась прочь, поднимая густую жёлтую пыль. «Сейчас начнут насильничать телефоны, – думаю я. – Если дозвонятся до области, мало нам не покажется!.. Нужно срочно сообщить Лемеху!.. Но как?» Машины у меня не было. По телефону? Для этого надо было идти в совхоз, к директору, звонить от него, а встречаться с ним в это время мне совсем не хотелось.

Выручили пуско-наладчики. Они подъехали на микроавтобусе и сразу поняли, что им и сейчас, и наверно ещё долгое время здесь будет нечего делать.

– Возвращаемся в город! – скомандовал старший.

Из разговора я ними я понял, что наладчиков сняли с какого-то другого пускового объекта по прямому указанию губернатора. Я попросил их забросить меня в ПМК, и они согласились. Пока старший ездил в контору совхоза сообщить, что наладчики прибыли, и что они уезжают, я объяснил остающимся у насосной станции людям, что я так же уеду, но только лишь для того, чтобы срочно найти решение, и вернусь сюда с техникой и рабочими.

– А вы пока вынимайте грунт из колодца. Непонятно, как туда мог он проникнуть!..

Дорога в ПМК заняла два часа, и когда я приехал, там уже знали о происшествии.

Звонили со всех сторон: из Грачёвки, из районной администрации, из областной... Лемех был сердит и растерян. Увидев, что я захожу в кабинет, он сразу приказал секретарше:

– Всем, кто звонит, говори, что я выехал на объект. Записывай, кто звонит и по какому вопросу, и говори, что меня нет и сегодня не будет... Ну, что там стряслось? – переключился он на меня.

Я коротко рассказал об увиденном, упомянув и о реакции директора совхоза.

– Где Шакин?! – гаркнул Лемех в селектор. – Срочно разыщи его мне!

По территории ПМК разнёсся голос секретаря, усиленный динамиком:

– Старший прораб Шакин! Старший прораб Шакин! Срочно пройдите к начальнику ПМК!

Минут через пять запыхавшийся Шакин вошёл в кабинет.

– В Грачёвке что-то случилось с водозабором, – встретил его Лемех такими словами. – У тебя там есть кто-нибудь?..

– Нет. Я после сдачи снял всю бригаду...

– А недоделки?! – загремел Лемех. – Мы же слово дали немедленно устранять все замечания и недоделки!

Мне показалось, что начальник готовит почву, чтобы выставить Шакина в роли главного виноватого, но тот тут же нашёл себе оправдание: «Вы же сами мне сказали, что нужно срочно перебросить всех людей в Гусево! Я так и сделал. А недоделки в Грачёвке мы почти все закончили, там мелочёвка осталась. Я договорился с главным инженером совхоза, что они сами там все подберут. Он мне справку уже подписал о ликвидации недоделок... А снять оттуда людей, вы же сами мне приказали...»

– Ну, хорошо, хорошо, – вынужден отступить Лемех. – Дело сделано. Сейчас вместе с Владимиром Михайловичем определитесь, что можно там предпринять, а завтра с людьми и всем, что будет необходимо, отправляйтесь в Грачёвку! Чтобы к обеду были на месте!..

Мы с Шакиным прошли в ПТО и подняли проектные материалы. Заилиться так колодец мог только в том случае, пришли мы к обоюдному мнению, если плохо заделан стык между кольцами: мог образоваться свищ, и пловун через него прорвался в колодец. Правда, если судить по отчёту об инженерно-геологических изысканиях, никакого пловуна в этом месте быть не должно.

Шакин сбегал за бригадиром, который строил колодец, тот, к счастью, тоже оказался на базе.

– Скажи, – спросил я его, – когда опускали колодец, кто заделывал стыки?

– Федотов. А я контролировал...

Федотов в ПМК был на хорошем счету, и его халатность в работе почти исключалась.

– А когда вынимали грунт при опускании колодца, пловуна не было? – продолжал я добираться до истины.

– Нет. Был в одном месте влажный участок, но мы его прошли быстро. В основном, грунт был сухой – глина.

Разговор с бригадиром ничего, практически, не прояснил, но его упоминание о влажном участке настораживало. Версия о пловуне и свище не исключалась, и мы с Шакиным стали обсуждать способы устранения аварии, исходя из этих соображений.

От этого непродуктивного пока занятия нас отвлекла секретарь: Лемех срочно вызвал нас к себе в кабинет. Он нервно топтался возле стола и размашистым жестом указал на лежавшую там бумагу: «Читайте!!»

Это была телефонограмма. В три адреса: нам, главе районной администрации и губернатору. Директор совхоза взывал: «Село без воды, строителей нет, просим обязать начальника ПМК Лемеха немедленно устранить аварию!»

– Не мог по-хорошему, – сквозь зубы процедил Лемех, увидев, что мы прочитали написанное. – Что прикажете мне отвечать?!.. Чего надумали за это время?!..

Мы оба молчали: что можно было придумать? Да и время-то у нас почти не было.

Лемех окинул нас презрительным взглядом и приказал секретарю соединить его с главным инженером ПМК, с Кусаевым.

– Анатолий Степанович! – сердито бросил он в трубку. – Может быть ты, в конце концов, объяснишь мне, что там случилось в Грачёвке?!.. То есть как ты не в курсе?!.. Половина области – в курсе, губернатору доложили, а главный инженер ПМК, видите ли, не в курсе!! Забирай Шакина, и с ним срочно туда! Разберитесь на месте и примите решение! Оттуда мне позвоните, я буду ждать!.. Пусть даже ночью!.. Да, Шакин пошёл к тебе!

Это была явная паника: между руководителями мехколонны официально, приказом, объекты были распределены по принципу – северные курирует начальник, южные – главный инженер. На юге было больше участков, и главный инженер был загружен работой сверх головы. Этот принцип пока ни разу не нарушался. Сейчас Лемех, почувствовав, как видно, запах палёного, затрясся от трусости.

– Ты тоже будешь на связи! – сказал он мне, положив трубку.

До десяти вечера никаких звонков из Грачёвки не поступало. «Нечего сообщать», – думал я, торопясь на последний маршрутный автобус.

Утром начальник опять собрал нас в своём кабинете. Кусаев докладывал обстановку.

– Плохо там, – говорил он с видом очень уставшего человека. – Заилило глубинный колодец. Трубы, задвижки – все в песке наглухо. Воду откачали – сверху песок твёрдый, лом не втыкается. И до места прорыва не доберёшься – пливун давит: ведро с песком наверх поднимут, а ямка уже опять заплыла.

Кусаев повторил в точности то, что я уже видел. Мне окончательно стала понятна и причина аварии, и трудность её устранения.

Лемех же усваивал это с трудом – у него не было нужного уровня знаний. На непосредственном руководстве строительством он оказался случайно. Его, как мы теперь это знали, из управления коммунальным хозяйством назначили сюда за какие-то промахи, и до этого случая метод его руководства был примитивен: постановка общих вопросов и упреки за нерасторопность в их разрешении. В конкретные разбирательства технических сложностей он, как правило, не вступал. Сейчас уйти от конкретики было, практически, невозможно.

– Я не знаком с проектом этого водозабора, – неохотно вымолвил он, – пришёл уже к сдаче объекта. Объясни, пожалуйста, поподробней.

Кусаев придвинулся ближе к Лемеху, взял со стола чистый лист и начал делать наброски.

– Значит, так, – говорил он, рисуя, – Приёмный колодец состоит из двенадцати железобетонных колец. Длина кольца – один метр, диаметр – тоже метр. Кольца посажены друг на друга на цементном растворе и должны образовать монолит, сплошную трубу. Внизу – бетонное днище. Очевидно, где-то вот здесь, – Кусаев пометил кружком место, примерно, в середине колодца, – образовался свищ, и это место оказалось в линзе из водонасыщенного песка. Его-то через щель и продавливает в колодец.

Лемех удивлённо рассматривает рисунок.

– Как же вода из реки поднимается в эту гору? – вырвалось у него.

Мы втроём, дополняя друг друга, рассказали о принципе работы этого водозабора, но начальник, по-моему, так до конца и не понял. Он испытующе поглядывал на нас: не морочим ли мы ему голову, и не в этом ли хитроумном решении кроется вся загвоздка?

– Какие предложения? – спросил он, когда все выговорились.

– Копать надо, – неуверенно ответил Кусаев. – Надо откопать до свища, зачеканить его, а потом откопать весь колодец.

– Копать? – переспросил Лемех. – Но вы же только что здесь заявили, что вчера целый день там копали и, говорите, что ничего из этого не выходит!

Кусаев пожимает плечами, он заметно смущён.

– Там с лопатой не развернёшься, – вступает в разговор Шакин. – Всего метровый диаметр, да ещё трубы. Там человек с ведром едва помещается...

– Ты ещё выступи! – медведем заревел Лемех. – Это результат разгильдяйства с твоей стороны! Будешь сам в этом колодце сидеть, пока его до дна не отроешь!

Я невольно внутренне усмехнулся, представив крупнотелого Шакина в грачёвском колодце: он не сможет в нем находиться и стоя, не то чтобы выкопать ямку, сгибаясь.

– Тесно, конечно, – произносит Кусаев, но другого выхода я не вижу. Укоротить ручки лопат, подобрать мужичков малорослых и – копать, копать. Копать непрерывно и быстро. Быстрее, чем поступает пловун. Директор совхоза тоже людей выделяет, там к воде уже привыкли, ему тоже житья не дают...

– Вот, вот, – воодушевляется Лемех. – Совхозников обязательно задействовать надо! Совместно, мол, устраняем! Меньше жаловаться будут!.. Ты, Анатолий Степанович, брось пока все другие дела и вместе с Шакиным сидите в Грачёвке, пока не исправите. Все ПМК в вашем распоряжении! А я постараюсь закрыть другие объекты.

Лемех долго в упор рассматривал Шакина, тот потупился и молчал, несколько минут в кабинете было тихо и тягостно.

– Если ко мне ничего у вас нет, занимайтесь! – вымолвил наконец наш начальник.

Кусаев и Шакин вышли. Мне Лемех поручил срочно связаться с проектировщиками.

– Я уверен, что они сюда тоже свою лопату дерьма подложили, – говорит он с гримасой, – Пусть тоже впрягаются!.. Они, совхозники... Когда все подключатся, глядишь, и на нас меньше наседать будут... Да, надо и трест, наверно, побеспокоить... Ну, это я сделаю сам.

В проектно-институте, куда я пришёл в пятницу утром, мы долго изучали отчёт по инженерно-геологическим изысканиям.

– Судя по буровым скважинам, – повторял неуверенно главный инженер, – такого быть не должно: грунты по всей глубины однородные, сухие... Может быть, действительно, попали на случайную линзу?.. Надо поручить изыскателям сделать контрольную скважину.

Мы договорились, что в понедельник, часов в двенадцать, встретимся там, в Грачёвке.

Проектный институт находился в новом здании, построенном на окраине города, в районе, где обитался мой дядя, и я, закончив с проектировщиками, решил заглянуть к нему. Время было уже далеко за полдень, и ехать в ПМК мне не хотелось. «Все равно там никого уже не застанешь», – придумал я для себя оправдание.

Во дворе, у стены летней кухни, я увидел небольшой столик, на нем – бутылку водки, трёхлитровый белый молочный бидончик, с десяток куриных яиц и горку вяленой воблы. За столиком были дядя и длинный худой мужик, в котором я узнал Афанасия. Они пили пиво и жевали янтарные спинки вяленой воблы.

– Заходи, заходи! – крикнул мне дядя. – Как раз вовремя!.. Мы, вот, с соседом отпуск его обмываем... Вы знакомы?..

– Да так, – ответил я, пожимая плечами.

– Афанасий, – мужик протянул мне длинную костлявую руку с огромной ладонью. Пожатие его было крепким.

– Владимир, – представился я.

Дядя из сарая принёс ещё два стакана и налил в один водки – до половины, в другой из бидончика – пива.

– Давай, догоняй нас.

Мы выпили вместе. Дядя задал вопрос о здоровье, потом – о делах, и я, слегка захмелев, рассказал ему о наших проблемах в Грачёвке. Он так заинтересованно слушал, что рассказ мой получился подробным. Афанасий молча сосал воблу, но я заметил, что он тоже прислушивается.

Дядя все удивлялся: как же осталось село без воды?! Как же так можно?!..

– Гиблое дело, – подал голос и Афанасий, выслушав мой рассказ. – Колодец, конечно, можно зачистить, но как с приёмными трубами? Песок забился туда до самого оголовка, его ничем оттуда не выдавишь...

– Те трубы нас совсем не волнуют, – сказал я, поняв, что Афанасий уловил суть наших трудностей. – Нам именно колодец надо зачистить! У нас трубы проложены так...

На земле прутиком я нарисовал схему водозабора.

– Умно, – похвалил Афанасий. – Тогда, конечно, можно кое-что сделать. Мне такое встречалось. У нас в Сибири...

Я поперхнулся от острого спазма в горле: вспомнился сибирский опыт Афанасия на охоте, о чем мне рассказывал дядя. Он опять предстал предо мной в камышах, в чёрной вымокшей шубе, с пучком соломы в руке и кусающим голову утки. И хотя ситуация сейчас была совершенно другой, я не мог всерьёз воспринять рассуждения этого человека. С трудом подавив спазм, я перевёл разговор на другую тему: что-то о необходимости ремонта крыши на доме. По-моему, ни Афанасий, ни дядя не поняли причину моего странного поведения, во всяком случае, я на это надеялся.

В понедельник утром Лемех, узнав от меня, что проектировщики приедут в Грачёвку, захотел сам встретиться с ними, чтобы получить от них заключение, не порочащее репутацию ПМК.

– Ты поедешь вместе со мной, – сказал он. – Собирайся!

Собираться мне было особенно нечего, я зашёл в отдел, сказал там, что уезжаю в Грачёвку и вышел во двор к машине.

Почти всю дорогу Лемех молчал. Я не беспокоил его ни вопросами, ни замечаниями, просто смотрел в окно на бескрайнюю степь, которая была покрыта ещё зелёными травами. «Скоро все выгорит, – думалось мне, – вот тогда на нас насядут по – настоящему: грачёвцы будут вопить так, будто их жарят на сковородке!»

Картину в Грачёвке мы застали унылую. В здании водозабора у края колодца стояли два угрюмых, обнажённых до пояса мужика с потными спинами и делали изнуряющую работу: они вдвоём вытягивали за верёвку ведро, наполненное мокрым тяжёлым грунтом, выколотив из ведра темно-серый кулич неподалёку от двери снаружи, они опускали ведро снова в колодец, где сидел ещё кто-то. Этот, в колодце, наполнял ведро и кричал, чтобы тащили.

Я засек время. Цикл – десять-двенадцать минут. Чтобы вычерпать такими темпами шестиметровый столб диаметром в метр – это целая вечность! Даже если бы не было нового поступления в колодец песка, но он поступал!

Рабочие были не наши, не из ПМК. Ни Шакина, ни Кусаева, вообще никого, кроме этих двоих и того, кто в колодце, поблизости не было. О столб, подводящий к зданию электрические провода, чесала шею корова, чуть дальше к селу с десятков овец разбрелись по полянке и щипали траву.

– На сколько понизили? – деловито спросил мужиков Лемех, понаблюдав за работой.

– А ни на сколько, – ответил один. – Все на одном уровне. Мы ведро вынимаем, а она на столько же поднимается. Пустое занятие...

– Из ПМК есть кто-нибудь?

– Есть. Они в столовой отсиживаются. Счас туда опять водовозка поехала...

Лемех дал указание шофёру привезти сюда Шакина и Кусаева, но они уже сами показались у крайних домов.

– Ничего не выходит, – сконфуженно произнёс Кусаев вместо приветствия. – Плывун подпирает. Как занял один уровень, так и стоит, сколько ни черпай...

– И чего же теперь?! – Лемех не скрывал своего раздражения.

Кусаев молча разводит руками.

– Так чего же?! – тормозит его Лемех. – Чего отмалчиваетесь?!..

– Дело неважное, – выдавливая из себя Кусаев. – Похоже, новый водозабор делать придётся, этот сковало наглухо...

– Да вы чего?! – ужасается Лемех. – Больше ничего не придумали?! Как это язык у вас повернулся?!

Лемех минут десять сотрясал воздух громкими возмущениями, Кусаев слушал, обиженно отвернув голову, мы с Шакиным замерли.

– Сколько времени строили этот водозабор? – спросил наконец Лемех тоном, близким к нормальному.

– С полгода, примерно.

– Полгода! Да кто ж нам позволит такое?! С нас в этом месяце головы снимут!

– Тыщи лет с речки возили, – пробормотал в сторону Шакин, но Лемех услышал его и закипел снова.

– Ну, знаешь!!! Ты ещё вякаешь! Это твоя вина, в первую очередь! Ты и ответишь!.. Из прорабов вылетишь – это уж точно!

Настоящих строителей такими угрозами запугать нелегко, и Шакин с видимым безразличием пожимает плечами:

– Пожалуйста, если это поможет делу...

На улице показалась светлая «Волга».

– Директор совхоза, – предупредил я.

Лемех сразу преобразился.

– При нем – никакой паники! – приказал он. – Свои проблемы после сами обсудим.

Директор сдержанно поздоровался и сразу спросил:

– Ну, как?

– Не понятно, – отвечал ему Лемех. – Абсолютно ничего не понятно. Похоже, что проектанты не учли состояние грунтов. Ждём сейчас их представителей – пусть предлагают решение... Медленно ребята вычерпывают: за полчаса три ведра только вынули. Надо бы усилить людьми, чтобы чаще менялись.

Директор совхоза одарил Лемеха выразительным взглядом, однако сдержался, ничего не ответил, а наш начальник продолжал объясняться:

– Сейчас переговорим с проектантами, и я опять сюда всех своих людей переброшу. Начальник участка, – Лемех положил руку на плечо Шакина, – шагу не сделает из Грачёвки, пока не дадим воду.

Директор совхоза хмуро кивнул, опять сел в машину и уехал в направлении города. Мы продолжали топтаться возле здания, время от времени заглядывая в колодец и отмечая по часам ритм появления вёдер с мокрым песком. Он, конечно же, не учащался. В том, что этот изнурительный труд бесполезен, не сомневался больше, по-моему, никто.

– Когда должны приехать проектировщики? – обратился Лемех ко мне. – Как вы договорились?

– Сказали, что будут к двенадцати...

– К двенадцати! – пробурчал он. – Фоны-бароны, изнеженные интеллигенты!.. А сейчас сколько?

Время давно перевалило за полдень. В бездейственном ожидании прошло ещё полчаса, потом – час.

– Не приедут они! – озвучил наконец Лемех фразу, которая давно таилась у меня в голове. – Что они – дураки, ввязываясь в дохлое дело?!.. Тем более, что проект делали иногородние!.. Правильно я говорю?

– Да, – подтвердил я. – Но изыскания делали наши, местные, а здесь, как видно, и возникла ошибка.

– Вот именно! Поэтому они здесь не появятся!.. Пора и нам начинать показывать зубы!.. Едем на базу! – скомандовал Лемех. – Все, кроме Шакина!.. А ты, мой хороший, продолжай здесь находиться! Постоянно! Безвылазно! Если появятся умные мысли – звони, но отсюда – ни шагу!

Когда мы отъехали, начальник с тоской в голосе произнёс:

– Неужели действительно придётся все заново?! Это ж кошмар! Какие сроки! Какие затраты! За всю жизнь не отмоешься от позора!..

– Это непредвиденный случай, – сказал Кусаев, – форс-мажорные обстоятельства.

– Как же! – моментально откликнулся Лемех. – Рабочий не зачеканил как полагаются стык, какие здесь обстоятельства?! Пьянка – вот и все обстоятельства! Это же дураку понятно!.. Ни на каких проектантов нам ничего свалить не удастся, готовьте свои головы подставлять под топор!

И здесь меня как будто шилом саданул кто-то в бок.

– Я тут разговаривал недавно с одним мужичком, – произнёс я каким-то не своим голосом, – он говорил, что знает, как решить нашу проблему.

Сказал и подумал: «Зачем несую эту ахинею?!» Я чувствовал, что моими словами управляет не разум, а что-то другое, неподвластное мне. Представлять Афанасия этим серьёзным людям в роли спасителя, по меньшей мере, было ребячеством.

– Да так, – спохватился я и попробовал выкрутиться. – Разговор был случайным, у моего дяди за выпивкой, и этот человек показался мне хвастуном и ханыгой.

Лемех немедленно повернулся назад и посмотрел на меня с интересом.

– Не скажи. Среди этих, казалось бы, пропадающих людей имеются большие умельцы. Кто он?..

– Да я толком не знаю, – сказал я, продолжая мысленно ругать себя за язык. – Он не мой, а дядин хороший знакомый, сосед. По-моему, он – просто пьянчужка! Они всегда – хвастуны!.. Надо подождать, что скажут проектировщики...

– А мы сейчас к ним и едем!

На разборку с проектировщиками (никто из них, кстати, даже не извинился за непоявление в Грачёвке) ушло несколько дней. Я и Лемех три раза ещё выезжали к ним с целью найти повод сделать их соучастниками случившегося, но ничего из этой затеи не получилось. Наши, местные проектанты, сразу же заявили, что водозабор разрабатывали не они, а у них, у проектировщиков, дескать, не принято влезать в чужие решения. Посоветовали обратиться к авторам разработки. Мы обратились, нашли ту, иногороднюю организацию, там нас отфутболили тоже. Говорят: мы пользовались инженерными изысканиями, которые нам прислали от вас. Если изыскания верны – плывуна в месте, где построен колодец, быть не должно. А если он есть, и колодец все-таки выполнили, и он начал действовать – ищите виновных у строителей: значит, строители сделали брак – и в плывунах строят подобные сооружения.

Строители – это мы, ПМК. Круг, как говорится, замкнулся.

Не удалось нам «показать свои зубы» и в тресте. Лемех дважды ездил туда и разговаривал со своим предшественником, возвращался в подавленном состоянии. Наш бывший

начальник сразу же от всего, по словам Лемеха, открестился: ты, говорит, хозяйство принял, замечаний не было, все было отлично, зачем же сейчас меня туда тянешь?.. Недостатки есть недостатки. Решать их надо на уровне ПМК... Управляющий трестом тоже старается быть в стороне: давайте, говорит, предложения, деньгами постараемся подкрепить.

– А у нас разве есть предложения? – вопрошал Лемех затравленно. – Кроме, разве того, что выдвигает Кусаев – все строить заново?!..

Он с осуждением смотрел на меня и на главного инженера: мы теперь почти не выходили из его кабинета.

После одного из таких бесполезных сидений и уклонений от вызовов к телефону, Лемех обратился ко мне:

– Устрой мне встречу с твоим умельцем!

Я опять был готов откусить свой язык за то, что он наболтал там, в машине. Мне становилось нехорошо от одной только мысли, что я отвечаю за встречу таких абсолютно разных людей, как Лемех, руководитель, пусть бывший, областного масштаба и вороватый хвостун Афанасий. Конечно. Лемеху приходилось встречаться, хотя бы у нас, с типами и почище, чем Афанасий, но эти встречи – начальника с подчинёнными. Мой же «умелец» сюда приглашается для разговора на равных. Лемех будет даже в зависимом положении – ему придётся идти на условия Афанасия, а что тому взбрёт в голову?..

Я сделал ещё одну попытку отвертеться от предстоящей мне миссии, но Лемех уже принял решение.

– Все! Хватит! Вас я уже досыта наслушался! Бери завтра машину и доставь его ко мне!.. Он где работает?

– Слесарем, говорил дядя, на ликеро-водочном производстве. Да пьяница он! – почти взмолился я. – Да и знаю-то я его – всего ничего: встретились один раз случайно у дяди... Мне неудобно даже всерьёз о нем разговаривать!

– Неудобно будет потом, когда пьяница этот утрёт носы вам, трезвым и образованным!.. Он сможет приехать?

– Не знаю. Я говорил с ним больше недели назад, он был, кажется, в отпуске...

– В отпуске, говоришь? – Лемех посмотрел на часы. – Значит, он сейчас может быть дома. Едем к нему!

Мы переглянулись с Кусаевым, Лемех перехватил этот взгляд и решительно повторил, понимаясь из-за стола:

– Едем немедленно! Втроём! Будем уговаривать товарища... Как его имя?

– Афанасий, – промямлил я.

– Будем уговаривать товарища, нет, господина Афанасия вытащить нас из дерьма!

От ПМК до города было километров пятнадцать, и когда мы подъезжали к окраине, Лемех негромко проговорил:

– Ты утверждал, что он пьяница?..

– Ну конечно! – воскликнул я, полагая, что начальник одумался. – Натуральный! Пробу некуда ставить!

Но у него на уме оказалось другое.

– Заверни к магазину, – сказал он шофёру и, когда машина остановилась, протянул ему деньги. – Возьми водки пару бутылок, хлеба, и что-нибудь на закуску, минералки тоже возьми.

Задание это шофёр выполнил быстро.

– Куда теперь? – Лемех повернулся ко мне, и я рассказал, как ехать нам дальше.

Когда машина подъехала к ветхим воротам, Лемех сказал:

– Мы тут пока посидим: неудобно разу нагряться целой толпой, а ты сходи, подготовь своего родича, пусть он Афанасия пригласит.

Я открыл калитку, шагнул во двор и сразу определил, что почва для разговора уже подготовлена, но только не для такого, который, по моему мнению, должен был нас устроить. Опять возле летней кухни был виден маленький стол, на нем – знакомый белый бидончик, опять – вобла, стаканы. Над столом маячили почти красные лица моего дяди и Афанасия. «Прописался он здесь теперь, что ли?» – подумал я удручённо.

Афанасий был в той же рубашке с закатанными рукавами и в тех же мятых штанах. Я встал у ворот, размышляя: не поворотить ли назад, и придумать что-то такое, чтобы встреча не состоялась? Но дядя уже кричал во все горло:

– Иди, иди! Ты здесь всегда вовремя!

Я подошёл к столу, поздоровался за руку с дядей и Афанасием, внимательно в то же время вглядываясь в их глаза: старался определить степень их трезвости. «А. будь, что будет!»

– Я не один, – произнёс я многозначительно. – Есть разговор с Афанасием...

Тот ухмыльнулся, наливая пиво в стакан.

– Опять про колодец?.. Ничего не сумели?..

– Про колодец, но теперь не со мной. Начальник захотел с тобой побеседовать. Как, сегодня это возможно? Или оставить на другой раз?..

– А это как у вас терпит. Я готов хоть когда, можно и сейчас, – сказал Афанасий с той же ухмылкой и блеснул золотой коронкой. Я вспомнил, что какая-то челюсть у него выпадала при разгрызании утиного черепа.

Дядя резко поднялся со стула.

– Чего же ты их за воротами держишь?! Пойдём, зови их, а здесь уже разберёмся: что и к чему.

Он первым вышел на улицу, наклонился к дверце машину и доброжелательно в неё прогудел:

– Идёмте ко мне, там обо всем потолкуем.

Лемех с Кусаевым вышли, шофёр остался в машине. В руке у Кусаева была сумка, как я понял, с провизией.

– Пойдёмте, пойдёмте – показывал дядя на стол. – Правда, у нас по-походному, гостей мы не ждали, но пивком угостим...

– Спасибо, – произнёс Лемех. – С удовольствием составим компанию... Познакомь нас Владимир Михайлович...

Мы уже подошли к столику.

– Это – мой дядя, Алексей Васильевич, – объяснил я. – А это – его сосед, Афанасий, о котором мы говорили.

Афанасий поднялся, и все обменялись рукопожатиями. Лемех и Кусаев представились сами, назвав свои имена и отчества.

Дядя вынес из кухоньки ещё стаканы и три табуретки.

– Присаживайтесь...

– Давай, Анатолий Степанович, – кивнул Лемех Кусаеву, и тот начал опоражнивать сумку.

Я помогал Кусаеву сервировать стол, Лемех осматривал двор, домик.

– Дом надо бы приподнять, – заметил он, – поставить на бетонный фундамент.

– Надо бы, – усмехается дядя. – Думаю вот, да все никак мочи не хватает...

– А племянник на что? – Лемех бросил взгляд в мою сторону. – Вот разберёмся мы с одним делом, и – бери его за рога! Он может забросить сюда оголовки от свай, цемент, кирпич выпишу без наценок...

Разговор плавно перешёл в нужное Лемеху русло. После первого тоста за знакомство и здоровье присутствующих, он поставил стакан и сказал Афанасию:

– У нас, собственно, к вам разговор...
– Ясно, – кивнул головой Афанасий. – Про колодец... Давай лучше на «ты» – так быстрее поймём друг друга.

– Согласен... У нас проблема с колодцем.

– Знаю. Михалыч как-то рассказывал – нужно зачистить от ила.

– И что? – сощурился Лемех.

– Раз нужно – зачистим... Если договоримся... Какая там глубина?

Лемех повернулся к Кусаеву:

– Анатолий Степанович, изложи, пожалуйста, суть.

Кусаев так же, как и я в прошлый раз, прутиком на земле начал вычерчивать схему водозабора. Афанасий, поняв, что появилась возможность подзаработать без особого риска, внимательно вникал в слова и рисунок и задавал уточняющие вопросы. Кусаев подробно и уважительно разъяснял.

– Так я и думал, – подвёл черту Афанасий. – Диаметр колец там, говоришь, один метр, да столб песка – в шесть... С подготовкой, делов дня на три – четыре... За два с половиной куска вычищу.

– За две с половиной тысячи? – уточнил Лемех.

– Да. Только чистыми, на руки...

– А как собираешься ты это сделать? – заволновался Кусаев. Он, казалось, чувствовал себя уязвлённым.

Лемех с неодобрением посмотрел на него.

– Как – это моё дело, – веско ронял слова Афанасий. – Если сумма устраивает, тогда – по рукам?!

– Ну, все же? – не унимался Кусаев. – Не лопатой же ты будешь там ковыряться?.. Такое мы уже делаем. Наверно, нужна какая-то техника?

– Из техники будет нужен воздушный компрессор, ну, сварочный агрегат, пара центробежных насосов... Есть это у вас?..

– Есть.

– Ну, тогда все. А остальное – так, мелочи... Да сделаю я, не боитесь! Железно, что сделаю!.. Давай, наливай ещё по чуть-чуть.

Дальше разговор пошёл на отвлечённые темы. Лемех его почти не поддерживал, он стал сосредоточен, задумчив. Думаю, что я его понимал: Афанасий, хотя и запросил солидную сумму, пойти на это было возможно – сейчас тратится тоже немало, а главное – бесполезно. Но вдруг это – блеф?! Скажут: совсем потеряли рассудок, доверились какому-то проходимцу!.. Не лучше ли остановиться на том, что предлагает Кусаев? Настаивать на непредвиденных факторах, на воздействии непреодолимой силы?.. В этом случае все становится на места: он, Лемех, будет вообще в стороне – строилось до него; будет новый проект, новые деньги, ПМК все равно необходима загрузка... И в Грачёвке с обстановкой смирились, крики их поутихли, им дали ещё водовозок.

Я посматривал на начальника и был уверен, что именно эти мысли терзали его поникшую голову.

Наконец он что-то надумал, скулы и взгляд его стали твёрдыми.

– Ну, спасибо за гостеприимство, – он поднялся и пожал руки дяде и Афанасию. – Нам пора... Значит, сделаем так: завтра, часикам к двум подъезжай к нам на базу, там мы все в деталях обсудим и заключим трудовой договор. Как, устраивает?..

Афанасий утвердительно кивнул головой. Лемех опять задумался, а у машины сказал:

– Мне все же надо поговорить с управляющим. Вопрос даже не в сумме – мы теряем там больше, – а в том, как её выплатить. Если платить штатным работникам, делают они чего-нибудь или волынят, там все на виду: на них табель ведётся, наряды, пусть липовые.

Там, если проверка какая – весь коллектив за тебя, глотки у всех лужёные. А здесь – напротив, будут нашёптывать: а вы вон там посмотрите, вон туда загляните. Здесь рискованно без прикрытия сверху... Давайте немного подкорректируем наши планы: я с утра завтра – в тресте, оттуда звоню в ПМК. Если будет все согласовано, ты, Владимир Михайлович, сядешь любую машину и везёшь Афанасия. Предупреди его об этом сейчас. Пусть сам он не едет, а ждёт здесь тебя.

Я сказал, что все понял, добавил, что до дома доберусь как-нибудь сам, попрощался с Лемехом, Кусаевым, шофёром и снова вошёл во двор. Дядя и Афанасий, качаясь, как неваляшки, что-то одновременно говорили друг другу.

Я сказал Афанасию, что ситуация несколько изменилась.

– А куда ж я поеду? – качнулся он в мою сторону. – Он же не сказал мне – куда. И опять же – на чем?.. Транспорт за вами – лично я так считаю... А-а, – пьяно махнул он рукой, – куда сейчас вы без меня денитесь?!..

– Ну, я тебя, в общем, предупредил. Если что – сам за тобой приезжаю...

В тресте Лемех пробыл недолго. В десять часов он уже был в ПМК, позвал меня и Кусаева и сообщил:

– Управляющий, в принципе, с суммой согласен. Засомневался только в реальности замысла. Пытался все разгадать способ зачистки при помощи компрессора, насосов и сварки, строил разные технологические цепочки, но так и не пришёл ни к чему... Договор, говорит, заключайте. Но деньги – только после выполнения работы, никаких авансов... Что ж, Владимир Михайлович, вези сюда Афанасия, специалиста по пьянке и зачистке шахтных колодцев. Бери мою машину и вези прямо сейчас, а то всякое может случиться...

Афанасий был дома, и вышел ко мне все в том же своём постоянном, наверно, наряде.

– Ну что? – почесал он живот и зевнул. – Поехали?..

– Да, я за тобой. Как ты, за сегодня не передумал? Не многое на себя берёшь?..

– Поехали! Я-то не передумал. Лишь бы он заплатил без обману.

– Паспорт с собой?

– Взял, – пробасил Афанасий и открыл дверку машины.

Дорогой он все выяснял у меня: надёжный ли человек мой начальник?

– Я своё дело сделаю, а он начнёт мозгу канифолить. Мне надо так: работу принял и – деньги на бочку!

Опасения Афанасия были, вероятно, обоснованы тем, что ему уже случалось встречаться с обманом.

Я был лоялен к начальнику, и, с учётом того, что слова мои слышит шофёр, произнёс:

– Я ему доверяю! Но сейчас я только в роли посыльного, так что обо всем с ним решай только сам. Ни за тебя я перед ним не ручался, не буду ручаться и за него...

В ПМК я также держался этой заявленной линии своего поведения: отвел Афанасия к Лемеху в кабинет и ушёл. Финансовые переговоры – дело всегда щекотливое, пусть они, думаю, говорят без свидетелей, тем более – Лемех меня не остановил.

И все же мне не удалось оставаться в роли стороннего наблюдателя. Едва я вплотную занялся своими делами, как в ПТО пришёл Дашуков, начальник отдела труда и зарплаты, за свою вьедливость и постоянно настороженный взгляд он в ПМК имел прозвище «инквизитор». Подойдя к моему столу, Дашуков сказал мне пониженным голосом:

– Надо бы потолковать...

Мы вышли из комнаты и уединились в конце коридора у окна, выходящего на пустырь. Дашуков закурил сигарету, и я заметил, что руки у него подрагивают: «Чего-то занервничал!»

– Хреновина какая-то получается, – заговорил он. – Вызывает меня Кусаев и велит составить трудовой договор на три тысячи и, представляешь, на одного человека! Якобы, по заданию начальника... Ты чего-нибудь слышал об этом?..

– Так, краешком уха... Тебя-то чего здесь волнует? За сумму отвечают они, твоё дело – только оформить.

– Да, но проверку начинают с меня! Начальству чего – дал указание, а ты, то есть, я, обязан предусмотреть все последствия. А здесь мне ничего не понятно. Если бы бригада на эту сумму – одно положение, а то – всего один человек! Ему же табель надо заполнять на полгода!.. А потом – что в нарядах писать?.. Потому к тебе и пришёл: если ты в курсе – давай мне объёмы работ, я расценю, и тогда можно будет составлять договор.

– А к Лемеху ты не ходил?

– Нет. Неудобно, понимаешь ли: подумают, что я Кусаева проверяю.

– Здесь разговор идёт об аварии в Грачёвке на водозаборе, – решил я просветить немного Дашукова. – Нашёлся один эрудит, который берётся за эту работу. А объёмы... Напиши так: выемка насыщенного влагой грунта из колодца вручную вёдрами при постоянном поступлении такого же грунта через неплотности в стыках колодца. И это действительно так!.. Он будет вычерпывать этот песок до посинения, до второго пришествия, во времена всех проверок! А если не вычерпает, то ничего не получит! Договор этот отправят в сортир!.. Скорее всего, он там и окажется... А насчёт того, что – один, можешь поступить так: напиши, что он представляет бригаду. «Бригада из десяти человек в лице такого-то...», и так далее... Фамилию он тебе сказал?

– Нет.

– Ну, значит, скажет. Я её тоже, кстати, не знаю. Знаю, что он – Афанасий, и что он из Сибири.

– Значит, здесь все чисто, по-твоему?

Дашуков ещё не закончил меня потрошить, когда нас с ним позвали к начальнику ПМК.

– Вот человек, – сказал ему Лемех, указывая на Афанасия. – Вот его паспорт. Тебе Кусаев сказал насчёт трудового соглашения?

– Да, сказал... Составить договор на три тысячи.

– На три?! – Лемех приподнял в удивлении брови. – Ах, да: там же ведь вычеты... Ты посчитай так, чтобы к выдаче было две с половиной... Сколько время потребуется?

– Часам к трём сделаю... Черновик покажу раньше.

Лемех кивнул головой и отпустил Дашукова, а мне велел оставить другие дела и снарядить Афанасия всем, на что он укажет.

– Говори, что тебе нужно? – спросил он Афанасия сам. – Рабсила у нас есть на объекте. Говори ещё раз, чего надо из материалов и техники?

Афанасий закурил сигарету без фильтра и начал перечислять:

– Пара насосов, один из них – погружной, лучше всего – «Гном». Про сварку и компрессор я уже говорил. Для чеканки свища – цемент, пакля... Гибкие шланги у вас имеются?.. Какими выгреба зачищают?..

– Есть, – ответил я. – Лежат в неликвидах на складе.

– Тогда все. Стальную трубу мы подберём по диаметру шланга... Трубы и сварка здесь есть?

– Есть, – сказал ему Лемех.

– Тогда все, – повторил Афанасий и посмотрел на меня. – Пошли, Михалыч, будем готовиться...

Со склада мы взяли один гофрированный шланг, по его диаметру нашли стальную трубу, на токарном станке нарезали её на куски: четыре штуки длиной по полметра, один – на полтора. В конце длинного отрезка Афанасий велел просверлить отверстие, просунуть

в него трубу диаметром в дюйм, обварить её в месте прохода и изогнуть. Получилось какое-то непонятное мне сочетание.

– Сибирские хитрости? – спросил я, разглядывая загадочную конструкцию.

– Афанасий оскалил в улыбке крупные зубы.

– Никак и у тебя заиграло?.. Пока потерпи, братан, приедем на место – там все растолкую.

Я не понял, что во мне могло заиграть, но мысль он подал интересную: а почему бы мне действительно не поехать?.. До этого я старался быть в стороне от причастности к Афанасию, и все равно опасался, что, при его неудаче, камни полетят в мою сторону – ведь это я вывел на него руководство. Сейчас же его уверенность и деловитость пробудили во мне любопытство. Я положил сваренные вместе железки к другим заготовкам и сказал, что не против взглянуть, как это все заработает.

Наши рабочие с интересом наблюдали за тем, как носатый долговязый мужик, похожий на бомжа, таскает за собой начальника ПТО и по-хозяйски даёт ему указания. Указания эти, я повторяю, были чёткими и вразумительными. Мы уложились часа в полтора. В конце Афанасий потребовал дюритовый шланг длиной метров двадцать по диаметру стальной дюймовой трубы.

– Таких, – он показал на гофрированный рукав, – потребуется штук пять. Когда компрессор будет на месте, можно и начинать.

– Компрессор уже погнали, Возможно, он там.

– Тогда дело за договором.

Мы пошли с ним в контору.

– Все подготовлено, – доложил начальнику Афанасий, – мы можем ехать.

– Мы? – переспросил настороженно Лемех. – Кто это мы?..

– Да вот Михалыч сильно интересуется, – Афанасий кивнул головой в мою сторону. –

Я не супротив: он ещё молодой, пускай поднаучится.

Лемех перевёл взгляд на меня.

– А что, – простодушно подтвердил я, – поеду: я ж там – куратор.

– Вот оно что, – процедил Лемех брезгливо.

Взгляд его, ставший острым и отчуждённым, буквально высверливал во мне скважины. И до меня вдруг дошло, почему Лемех так смотрит. В упор. Как смотрят на негодяев. Меня ударило в жар, я чувствовал, что обливаюсь потоками пота. «Он же думает, что это я все подстроил! Что все решения – мои, а Афанасий – так, пешка, пешка, которую ловко я подставляю! Пешка, нужная для того, чтобы содрать с организации деньги! Если бы я просто сказал, как нужно выправить положение – меня и благодарностью могут не удостоить, а так – огромные деньги!»

Весь набор этих мыслей бурно зафонтировал в моей голове. «Боже, вот так история!»

– Да я, собственно, так, – забормотал я, – я на подхвате в его делах. Он может и один поехать туда, если хотите...

– Вот он один и поедет! – отрубил Лемех. – Поедет с Кусаевым!

И он вызвал к себе главного инженера.

– Ты когда готов выехать? – Лемех смотрел на Афанасия испытующе.

– А хоть сейчас! – ответил тот беззаботно, не подозревая, какая драма возникла вдруг между мной и начальником. – Я сейчас в отпуску, дома предупредил, что могу и с ночёвкой уехать... Только без договора я не начну!

– Об этом не беспокойся, – Лемех похлопал рукой по бумагам, лежащим перед ним на столе. – Договор – вот он... А вдруг ты морочишь нам голову?.. Мы туда гоним тяжёлую технику, людей на тебя замыкаем, а ты даже не намекнёшь, как все там будет происходить!.. С твоей-то стороны, какие гарантии?!

Афанасий зевнул, демонстративно распахнув свою пасть во всю её ширь.

– Так ты, никак, на попятную? – спросил он спокойно. – Дело хозяйское. Только учти – если сейчас ты откажешься, в другой раз я впятеро запрошу. А без меня у вас – дохлое дело. Спецы у тебя, вижу я, хлипкие... Так что подумай, как поступить.

Лемех угрюмо, не отрываясь, смотрел в глаза Афанасию, потом подвинул к нему бумаги.

– Читай. Подписывай, если согласен.

Пока Афанасий изучал договор, Лемех инструктировал главного инженера:

– Передашь его Шакину и возвращайся. Шакин пусть с ним там занимается, пусть там все как надо организует. Пусть потом выберет время и приедет сюда, передай ему, что он нужен... Ты когда сможешь поехать?

– Да лучше – сейчас, – Кусаев посмотрел на часы, потом – на меня, хотел, видимо, что-то спросить, но не спросил. – Сделаю так, как вы говорите.

– Ну, действуйте. Готовь там машины, а он – кивок в сторону Афанасия – он сейчас подойдёт... Организуйте ему там ночлег и столовую...

Кусаев повторил, что все сделает, и ушёл. Афанасий подписал договоры и возвратил их начальнику.

– Теперь подписывай ты, ставь печати...

Лемех снисходительно усмехнулся, достал из сейфа печать и тиснул её на свою подпись. На меня – ноль внимания. Я чувствовал себя гадко, стоял, как оплётанный.

– Вот тебе экземпляр, – Лемех продолжал говорить с Афанасием. – Чего ещё от меня тебе требуется?

– Пока ничего... Сегодня четверг?... Готовь к понедельнику деньги...

– Так ты, Михалыч, не едешь? – Афанасий повернулся ко мне.

– Не едет! – ответил за меня Лемех. – У него другие дела!.. У тебя там помощников хватит... Или он тебе нужен?.. Нет?.. Ну, тогда все свободны!

Если появление язвы связано с сильными переживаниями, как это утверждает Нина Петровна, то моя язва возникла именно в тот момент. Даже сейчас, в больничной палате, вспомнив своё состояние под испепеляющим взглядом начальника, я почувствовал щемящую боль в том самом месте, где расположен желудок.

Что я мог тогда ему возразить? Ведь он меня ни в чем словами не обвинял. Не будешь же объясняться на взгляды!..

Я вышел из кабинета и долго стоял у окна в своём отделе, наблюдая, как на бортовой Зил загружают трубы, шланги, какую-то проволоку, как Афанасий садится в «козлик» Кусаева и они отправляются с базы. За ними выехал Зил и, помахивая ковшом, колёсный экскаватор «Беларусь».

«Он, помнится, экскаватор не называл», – подумал я отрешённо, и меня опять захлестнули мысли о том, что я выгляжу в глазах Лемеха отпетым мошенником.

На другой день утром Кусаев докладывал:

– Доставил, устроил. Передал Шакину все, что вы поручали. У него там дела – совсем швах! Целую гору песка вокруг здания наворотили, а в колодце его уровень – тот же... Как Шакин увидел, кого я ему привёз на подмогу, глаза у него стали круглыми: Афанасий очень непредставительно выглядит... Афанасий все спрашивал: почему не поехал Владимир Михайлович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.